

Ачуев 1697 - 1897гг.

Галерея Славы:
Лелис Афанасий
Федорович

Река Протока

Партизанские отряды
«Смелый» и «Штурм»
Славянского района

№4
декабрь
2012

КОПЫЛ

историко-краеведческий альманах

«Эта вечная боль...»

Краеведение

Черепица французских
производителей
на Кубани

Памятник
А.В. Суворову

Наша галерея:
И.Е. Гончаров

Мы вопрошаем и допрашиваем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло о нашем будущем.

Виссарион Григорьевич Белинский

На территории нынешнего города Славянска-на-Кубани в XIII-XV веках существовала генуэзская торговая фактория Копа (Ла-Копа). Одним из основных занятий её жителей было соленье рыбы. Как считает В.Н. Ковешников, автор книги «Очерки по топонимике Кубани, название Копа возникло от греческого слова копто, означающего «пластовать рыбу». По другим данным, генуэзцы дали название своей фактории по имени реки, на берегах которой поселились: Копа (Коппа, Коппо, Ла-Копарио, Копы, Копулу, Копылы).

В 1475 году турки захватили бывшую генуэзскую факторию, а в начале XVII столетия напротив неё, на другом берегу реки, построили свою крепость, дав ей название Копыл. Поэтому этимологию ойконима связывают с турецкими словами гопал - «грубый» или копа-копыл - «крепость». В 1737 году Копыл был разрушен донскими казаками и калмыками. Но турки через 10 лет построили новую крепость, на сей раз уже на левом берегу Кубани, где стояла Копа, и дали ей название Ени-Копыл, то есть «Новый Копыл».

В соответствии с Кючук-Кайнарджийским мирным договором, который подвёл итог русско-турецкой войны 1768-1774 годов, южная граница России прошла по реке Ее, и Новый Копыл, оказался на «буферной» территории. Однако Османская империя нарушила принятые на себя обязательства и спровоцировала кубанских кочевников на выступление против России.

В ответ царское правительство весной 1777 года посадило на ханский трон в Бахчисарае своего ставленника Шагин-Гирея, а на Кубани началось строительство кордонной линии от Ставрополя до Азовского моря. Руководил возведением крепостей и фельдшанцев А.В. Суворов. Одно из полевых укреплений полководец назвал Славянским — в честь гусарского полка, входившего в состав его корпуса. Сначала фельдшанец Славянский находился южнее нынешней станицы Анастасиевской, но в 1797 году был передвинут на верхний раздёр Кубани, где после обосновался хутор Тиховский.

В 1865 году рядом с Ени-Копылом водворилась одна из пяти новых станиц Кубанского казачьего войска. Имя станице дали по ближайшему русскому сторожевому посту — Славянская. В 1958 году станица получила права города и с тех пор называется Славянском-на-Кубани.

ISSN 2306-1383

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ «КОПЫЛ»

№ 4
декабрь
2012

Издатель:

Управление культуры
администрации
муниципального образования
Славянский район

Редакционный совет:

В.В. Чернявский;
Р.И. Синяговский;
Г.И. Черноусова;
С.Д. Вишняков

**Автор и руководитель
проекта:** Д.А. Решмет

Дизайн и верстка:

А.В. Путинцева

Фотограф: П.Г. Трифионов

Корректор: Е.В. Панасенко

СОДЕРЖАНИЕ:

Короленко П. П. Ачуев 1697-1897 гг.	6
Фуфалько Б.Д. Лелис Афанасий Федорович.....	17
Решитько Б.Т. Протока	23
Фуфалько Б.Д. Партизанские отряды «Смелый» и «Шторм» Славянского района.....	28
Андреев А.К. «Эта вечная боль...»	34
Решитько Б.Т. КраеНеведение	36
Матвеев И.Ф. К 70-летию освобождения Славянского района от немецко-фашистских захватчиков.....	42
Решмет Д.А. Черепица французских производителей на Кубани 1890-1917 гг.	44
Копылов А.В. Памятник А.В. Суворову.....	48
Наша галерея: художник Гончаров И.Е.	50

ISSN 2306-1383

QUARTERLY ANTHOLOGY
OF HISTORICAL AND
REGIONAL STUDIES
"КОПЫЛ"

№ 4
December
2012

The publisher:
Department of culture
of municipal entity of
Slavyansky Area

Editors:
V. V. Chernyavsky
R.I. Sinyagovsky
G. I. Chernousova
S. D. Vishnyakov

The author and the project head: D. A. Reshmet

Design and making-up
A. V. Putintseva

The photographer
P. G. Trifonov

The correlation
E.V. Panasenko

CONTENT:

Korolenko P.P. Achuyev 1697-1897.....	6
Fufalko B.D. Lelis Afanasii Fyodorovich.....	17
Reshitko B.T. Protoka	23
Fufalko B.D. Partisan detachments «Smelyi» and «Shtorm» of the Slavyanskii district	28
Andreev A.K. «This endless pain...».....	34
Reshitko B.T. KraeNevedenie	36
Matveev I.F. To the 70-th anniversary of liberation of Slavyansk district from German-fascist invaders	42
Reshmet D.A. Tile of the French manufacturers in Kuban in the 1890-th-1917-th.....	44
Kopylov A.V. Monument to A.V. Suvorov.....	48
Our gallery: artist Goncharov I.E.....	50

Дорогие друзья!

Для жителей Славянского района территория в западной части Краснодарского края, среди бескрайних полей, лиманов и рисовых чеков – самое дорогое место на земле. Это наша малая Родина, заветный уголок родной Кубани. Многие поколения славянцев жили и трудились на этой земле, защищали её от врагов в военные годы, прославляли добрыми делами в мирное время.

Великие события из истории нашей малой Родины, связанные с именем А.В. Суворова, судьбы и воспоминания интересных людей, ветеранов Великой Отечественной войны, познавательная информация о развитии территории Славянского района – все

это вы найдете в 4-том выпуске историко-краеведческого альманаха «Копыл», который сейчас держите в руках. Альманах будет интересен людям разного возраста – от школьников до старшего поколения, и вполне может стать настольной книгой каждого жителя нашего района. Ведь интерес к прошлому, желание обогатить свои знания, по крупицам воссоздать для себя историю родного края – это и есть самое искреннее проявление уважения и любви к малой Родине.

Р.И. Сняговский,
глава муниципального образования
Славянский район

Ачуев 1697 – 1897 г.

После взятия Петром Великим в 1696 году Азова турки начали укреплять берега Азовского моря, от низовьев Дона до низовьев Кубани, чтобы закрыть русским путь с Кубанской стороны к главному стратегическому пункту Тамани, охранявшей переправу через Босфорский (Керченский) пролив в Крым.

Из показаний вышедшего с кубанского края пленного запорожца Степана Ковалева стало известно, что в числе турецких укреплений, по восточному берегу Азовского моря, турки, весной 1697 года, начали строить при устье Черной Протоки, текущей из р. Кубани в Азовское море, земляной городок, с дубовым острогом, на 200 саж. в длину, по 2 саж. в высоту и по одной саж. толщины (стены), с пушками на раскатах.

Название этому городу турки дали Ачуев.

Ачуев с моря был открыт, с сухого же пути мало доступен потому, что вокруг него верст на сорок залегали топкие болота и непроходимые по плавням густые камыши (тростник), - с черною местами лозою.

Во время турецкой войны, осенью 1739 года, тридцати тысячный русский отряд двинулся из Азова в поход для разорения турецких городов Ачуева, Темрюка и Тамани. Генерал-лейтенант Дебрилье шел с войсками морем на флотилии, а донские казаки с атаманом Ефремовым и калмыками сухим путем. При устье речки Челбаши, впадающей в Азовское море Ефремов сошелся с Дебрилье и, по приказанию последнего, пошел вперед берегом моря к Актару – бактару (Ахтари), к тамошнему городищу, откуда отправил легкий отряд из казаков и калмыков для обозрения прохода к Ачуеву, но окружающая этот город местность до самой Кубани на столько была болотиста и покрыта камышами, что отряд никаких удобопроходимых дорог не нашел. Тогда, по приказанию Дебрилье, Ефремов переправил свои войска на другую сторону Ахтарского залива на лодках, а лошадей казацких перевел вплавь, при чем из них 27 штук затонуло. Далее казаки шли морским берегом к Ачуеву рядом с регулярными войсками, двигавшимися на судах морем.

Турки, знавшие о движении русских войск, поджидали уже наш отряд и ночью на четырех башнях зажгли фонари. 18 Сентября русские при-

близились к Ачуеву и началось сражение с турками. Турки не допускали русских переправиться через р. Протоку. Через которую происходила перестрелка с обеих сторон пушечным и ружейным огнем; от перестрелки этой однако с нашей стороны урону не было, так как русские стояли вдали от переправы. 20 числа Донцы подошли к самой протоке и на пароме, устроенном на лодках, под турецкими выстрелами переправили на Ачуевский берег артиллерию и прочие припасы. Ночью произошел на море сильный шторм. Вода в Протоке высоко поднялась и бушующие волны разбились на паром, суда выброшены на берег, а переправленные на левую сторону реки артиллерия, боевые и прочие припасы были залиты водою. От такого грозного стихийного явления войска наши пришли в смятение и страх, каждый искал спасения на виду турецкой крепости. Казаки и солдаты, не смотря на близкое расстояние от турок, сидевших в крепости, брели несколько верст водою до сухого места, а некоторые гренадеры в ужасе взбирались на пушки и, там стоя, ожидали конца своей жизни. К полдню шторм на море стих, вода начала входить в берега, а к вечеру наши войска оправались, подошли к Ачуеву и начали его бомбардировать. Турки, со своей стороны, на орудийные выстрелы блокирующих отвечали пушечным огнем. От пущенных русскими бомб в городе загорелись деревянные строения в разных местах, но в наступившую ночь вновь на море поднялся шторм, опять вода стала выступать из берегов и наши войска вынуждены были оставить блокаду и бомбардировку Ачуева. Исправленный было на Протоке мост разнесло, флотилию разбило, припасы намочило. Далее держаться было невозможно. Грозная стихия заставила снять осаду Ачуева. В виду этого Дебрилье по окончании шторма собрал кое-какие недобитые суда, починил поврежденные из них и 25 Сентября двинул свои войска из под Ачуева в обратный путь.

Взятый в это время калмыками в плен татарин рассказывал, что, когда русские стали бросать бомбы и каркасы в Ачуев и городские постройки начали гореть, уstraшенные турки, лишаясь своих жилищ, выходили из города и гарнизона крепости в скорости должны были бы драться

без всякой поддержки со стороны городского населения, но в это время жители увидели, что пушечная пальба с русской стороны прекратилась, и вновь начали собираться в город Ачуев [1].

Так неудачно закончился Ачуевский поход Дебрилье, после которого этот генерал не шел уже далее к Темрюку и Тамани, и воротился в Азов. Турки приписали такую неудачу каре Аллаха за нападение их против правоверных мусульман и воздали хвалу заступнику своему Магомету. Ачуев однако все-таки получил значительные повреждения от этого бомбардирования.

По заключении с турками мира разрушенный Ачуев в 1647 году (так в тексте, правильно в 1747 году – Д.Р.) по распоряжению Оттоманской Порты был исправлен Крымским Ханом Солим-Гиреем, для чего мастеровые и материалы были доставлены из самого Стамбула [2].

По характеру сооружений город Ачуев представлял собою небольшое укрепление, план которого, вероятно сделанный во время бытности на Кубани Суворова, описан так: а) Вал деревянный насыпанный землею, у коего наружные стороны на каменном фундаменте; приступ насыпан землею; б) полисад вокруг крепости прикрывающий наружные стены фундамента; в) на бастионах вместо туров сделаны ящики из брусьев насыпанные землею; г) нижние батареи при коих приделаны платформы для постановления пушек; д) наклонившаяся стена коя вскорости упасть может; е) пороховые амбары; ж) амбар с ядрами и картечами; з) мечеть; и) комендантский дом; й) бывшие янычарские казармы; к) кладбище; л) лавки; м) форштат обывательский; н) небольшие сады [3].

Из этого описания видно, что Ачуев не представлял из себя неприступной твердыни, но с сухого пути его трудно было взять из-за окружающих город болот, подсыхавших только во время лета или замерзавших зимою. Последним временем воспользовался отложившийся от Турции Крымский хан Шагин-Гирей, когда, с помощью русских штыков, утверждал свое владычество в Кубанском крае.

В Январе 1777 года Шагин-Гирей, бывший с бригадиром Бринком на Кубани для утверждения своей власти над кубанскими жителями, возымел намерение вместе с тем овладеть и турецкими крепостями, находившимися в этом крае. С этою целью он склонил на свою сторону Ногай-

цев Бурлацкой орды и с ними взял без боя Ачуевскую крепость, где нашел из военных запасов 30 пушек и 40 бочек пороха. Тогда Бринк, не принявший участия в занятии Ачуева, ввел туда свой гарнизон из роты пехоты и Шагиновых бешлеев, а находившихся там турок вывел из крепости на форштадт. В это время Ачуевские жители, оставшись на месте, принесли присягу на верноподданство Крымскому хану Шагин-Гирею [4].

С тех пор Ачуев остался за Крымом вместе с другими крепостями турецкого владения, находившимися на Таманском острове, из которых один Темрюк защищался от Шагин-Гирея. Темрючане прежде изъявления покорности этому хану требовали от него удостоверения об утверждении султаном на Крымском престоле и заявляли, что готовы скорее умереть все на Темрюкских воротах, чем сдать крепость непризнанному Крымскому хану. Все ли они легли на Темрюкских воротах или нет, но Темрюк Шагин-Гиреем был взят, а за ним сдалась и Таманская крепость.

Когда Шагин-Гирей отправился с Кубани в Крым, а русские войска оставались еще в Кубанском крае, князь Прозоровский, поручая бригадиру Бринку, находившемуся в Копыле, присмотреть за Кубанскими народами, велел наблюдать и за крепостями Крымского хана, в числе которых значится и Ачуев [5].

16 Января 1778 года прибыл в Копыл на место Бринка генерал Суворов и сразу же начал укреплять форпостами Кубанскую кордонную линию, чтобы обезопасить Кубанских жителей и свои войска от набегов закубанских горцев. Вместе с тем Суворов для безопасности сообщения с Кубани в Азов укрепил Азовскую береговую дорогу редурами, которые построил на Кирпилах и Бейсуге, а крепость Ачуев, в которой еще Бринком был поставлен пост, занял русским горнизонном [6].

Таким образом весь Кубанский край был в русских руках.

После отъезда Суворова с Кубани при войсках, здесь расположенных, остался генерал Райзер, который по заключению с Оттоманской Портой 10 марта 1779 г. конвенции, был отозван с Кубанским корпусом в пределы России, при чем все устроенные в Кубанском крае укрепления были разорены [7].

Вслед за выходом русских из Кубанской земли там начались волнения, дошедшие в 1781 году до

открытого бунта. Для усмирения бунтовавших в Кубанский край вновь были двинуты русские войска с двух сторон: туда выступили со своими корпусами от Кавказской линии генерал Фабрициан, а из за р. Еи генерал Пиль. Ногайцы, видя такое нашествие русских, в неудовольствии на них и своего хана, начали по немного уходить за Кубань на вольные черкесские земли [8].

За волнениями на Кубани последовало возмущение и в самой Тамани, поднятое братьями хана Батыр и Арслан – Гиреями, а отсюда мятеж еще больше распространился в Кубанском крае. От таких волнений и вмешательства в крымские дела с одной стороны Турции, а с другой России хан Шагин-Гирей попал в безвыходное положение. Ему оставалось одно из двух или покориться по прежнему Турецкому султану, - как главе всех мусульман или поддаться русской государыне, - постоянной его защитнице и покровительнице. Он избрал последнее и манифест Екатерины II 8 Апреля 1783 года возвестил о присоединении Крыма и Кубанских земель к Российской Империи [9].

Отречение Шагин-Гирея от Крымского престола и поступление его владений в состав русского государства, по распоряжению князя Потемкина, было объявлено генералом Суворовым Нагайцам, на Кубанских степях, при Ейском укреплении, в 1784 году. Нагайцы дали присягу на подданство России, но вслед за тем забунтовали, были разбиты Суворовым и ушли за Кубань, а Кубанский край после того совсем опустел; опустел тогда же и Ачуев, так как он, оставшись в русском владении, за плечами Кубанской кордонной линии, потерял всякое стратегическое значение крепости, а местного населения городского в нем уже не было. Договором, заключенным в Константинополе 28 Декабря 1783 года, р. Кубань была признана границей между Россией и Турцией, после чего Кубанский корпус занял левую сторону этой реки русскими кордонами.

Кубанская граница еще раз была подтверждена после войны с турками 1787 – 1791 г. договором, заключенным в Яссах 29 Декабря 1791 года, а 30 Июня 1692 года (так в тексте, правильно 1792 года – Д.Р.) последовало Высочайшее повеление о предоставлении Кубанских земель с Фанагорийским (Таманским) островом в вечное владение войску верных Черноморских казаков, живших в то время на завоеванной у турок земле между

Бугом и Днестром у Черного моря [10].

Генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потемкин-Таврический

Когда Кубанский край вошел в состав России и, за выходом туземных жителей, совсем опустел, Императрица Екатерина Алексеевна предоставила во владение князю Григорию Александровичу Потемкину Ачуевскую дачу с принадлежащими к ней рыболовными местами в Азовском море и береговым лиманом, а также и соляные озера, в той даче находившиеся. Всю эту дачу светлейший князь Потемкин подарил в 1790 году Черноморскому войску, которого был гетманом, на что дал свой ордер 19 Апреля того года [11]. В ордере этом Ачуевская дача просто именуется Таманскими рыболовными местами, потому что она начиналась от Тамани и шла берегом Азовского моря, до р. Черной Протоки, где и был самый город Ачуев.

Вслед за этим ясновельможный гетман Потемкин универсалом своим 26 Мая того-же 1790 года предписал Кошевому Черноморского войска послать своих старшин для осмотра означенных рыболовных мест и пригласить находившихся на тамошнем рыболовстве «работников из малой России и Польши» записаться в Черноморское войско [12].

Послать старшин Черноморского войска в далекий Кубанский край в то время было крайне

неудобно, потому что турецкая война была в самом разгаре и Черноморское войско принимало деятельное участие в военных действиях с турками, при том же и далекое расстояние Ачуева от места расположения сего войска на Днестре, где оному светлейший князем Потемкиным были отведены земли для поселения [13], мешало вести Черноморцам в Кубанском крае войсковое промысловое хозяйство. По сим или по другим причинам Черноморское войско не воспользовалось сразу даром светлейшего своего гетмана, а в следующем 1791 году Ачуевская дача, по распоряжению Потемкина [14], была отдана Донским войсковым атаманом генералом Иловайским в откупное содержание того же войска казаку Селиверстову [15].

Не смотря на это Ачуевские рыболовные места все таки считались за Черноморским войском, так как об отмене дара оных сему войску от князя Потемкина отказа не было и самое войско не отказывалось от принятия названных рыболовных промыслов. Когда война с Турцией окончилась, Кошевое Управление Черноморского войска воспользовалось своим правом и командировало в Кубанский край для осмотра тамошних мест полковника Гулика со старшинами и командою козаков, о чем заступивший место умершего князя Потемкина генерал Кахавский донес Её Императорскому Величеству Государыне Императрице 15 Января 1792 года [16].

Полковник Гулик, переправившись через Керченский пролив, сначала осмотрел тамошний полуостров, назначенный князем Потемкиным под поселение Черноморского войска, а затем, объехав вокруг Кубанскую землю, добрался на Азовском побережье и до Ачуева. Место это Гуликом в составленной им ведомости описано так: «Над Черной Протокой и город Очуев, в коем крепость земляная, но отчасти уже разорена и около оной две канавы наведенные полною водою; с оных полисадник вырублен; внутри города два запасных каменных погреба; на батареях же девятнадцать пушек больших, в том числе медных четыре, а прочие чугунные... В Очуеве есть часть садов. Кроме этого в той же ведомости значится: - «от самого Ахтарского залива на Ачуевской косе даже до Товгарского ерка все соляные озера... От Очуева по над морем и Темрюку нижеписанные есть лиманы: 1) Очуевский соляной, 2) Сладкий, 3) Янев, 4) Курковский, 5) Темрюкский, 6) Канда-

урский... От Ахтарского гирла даже до Протока в степь верст за 30 большие болота и камыши, а отсель вокруг Очуева со всех оного сторон за 40 верст везде болота и камыши, а в некоторых местах есть черная лоза, а отсель по над морем даже до Темрюка таковые-ж... земля способная». Далее упоминается за Темрюком Песчаный ерок и балка Шумукой, за которой начиналась Северная коса, называвшаяся *Еникольскою* (здесь и далее курсив автора – Д.Р.), так как она протягиваясь в море длиною около 70 верст подходит к самому Ениколю. В ширину эта коса не обозначена и за Еникольской косой, от балки Шумукай верст за 15 значится и самая Тамань [17].

В виду того, что Еникольская коса в Ачуевской даче занимала весьма большое пространство земли на Азовском побережье и к ней прилегал г. Тамань, князь Потемкин в означенном выше ордере 19 Апреля 1790 года, как можно полагать, называл всю эту местность с рыбными её ловлями, даримыми Черноморцам, - *Еникольским округом с Таманом*.

В то время как полковник Гулик скитался по Кубанской земле и описывал эту пустыню, другой полковник войсковой судья Черноморского войска Антон Головатый отправился в Петербург хлопотать у престола Монархини о добавлении к Таманскому или как тогда писалось Фанагорийскому острову еще и Кубанской земли для поселения Черноморских казаков, предназначенных тогда к переводу из отданной было им земли между Бугом и Днестром.

Головатый успел в своем ходатайстве. Просьба верных казаков войска Черноморского была уважена и Государыня Императрица Высочайше пожаловала этому войску в вечное владение остров Фанагорию и Кубанскую землю, на что дала сему же войску всемиловитившую грамоту 30 Июля 1792 года, в которой, между прочим, значится: - «Все состоящие на поминутую нами пожалованной земле всякого рода угоды на водах же рыбные ловли остаются в точном и полном владении и распоряжении войска Черноморского» [18].

В эти угоды вошла целиком вся Ачуевская дача с рыбными ловлями и соляными озерами, которые раньше подарил Черноморскому войску князь Потемкин, а, до принятия этого дара Черноморцами, отдал в оброк, - с ассигнованием дохода на университет [19].

Черноморские войска переселившись в 1792

Черноморский казак

году на вновь пожалованную Кубанскую землю распорядились через свое войсковое правительство принять в свои владения все рыболовные места Азовского побережья, а в числе их и Ачуевскую дачу с соляными озерами, находившуюся тогда в аренде у казака Селиверстова [20]. По этому распоряжению офицер Шепелев объехал все рыболовные места и объявил всем частным лицам, занимавшимся там свободным рыболовством, чтобы они к весне 1793 года убрались с войсковой земли со своим имуществом, от арендатора же Селиверстова потребовал, чтобы и он к тому же сроку удалился из Ачуевской дачи, заплатив арендные деньги за рыболовство и соляную промышленность за вторую половину 1792 года уже не генералу Иловайскому, а Черноморскому войску, которому та дача, по Высочайшей грамоте 30 Июня того года, поступила во владение [21].

Казак Селиверстов к указанному сроку с Ачуева удалился, но требуемых денег за аренду войску не заплатил, ссылаясь на контрактное условие по которому срок аренды еще не кончился. В виду такого отказа, завязалась переписка с Донским войсковым атаманом Иловайским, защищав-

шим права откупщика Селиверстова в платеже денег за Ачуевскую дачу, по существовавшему контракту, ему Иловайскому. Дело дошло до военной коллегии и председатель оной граф Салтыков решил спорный вопрос в пользу войска Черноморского [22], вследствие чего в Новочеркасск генералом Иловайским из Екатеринодара был вызван приемщик, которому была вручена следующая в доход войска Черноморского сумма медною монетою 2425 рублей, следующая за второе полугодие 1792 года с Селиверстова за Ачуевское рыболовство, за соляные же промыслы, по случаю недобора в том году, в дождливое лето, соли, арендные деньги не взыскивались.

Войсковое начальство Черноморского войска с 1793 г. устроило в самом Ачуеве войсковой Ачуевский Чернопротоцкий рыболовный завод (существующий и до сего времени) и для заведывания оным назначило опытного старого рыбака хорунжего Дубчака, со званием шапаря (смотрителя) и с содержанием в 300 руб. в год [23].

С тех пор Ачуев стал приносить Черноморскому войску самые большие со всех оброчных статей доходы и имя князя Потемкина, первого дарителя Ачуева Черноморцам и до смерти не отменившего своего дара, всегда было в памяти благодарных Черноморцев.

С развитием Ачуевского рыболовства, старый турецкий город, давно заброшенный, принял новый вид и оживился. Ачуев превратился в богатый русский торговый пункт, с миллионными оборотами. Стечение народа в Ачуев с года в год увеличивалось, удовольствий всякого рода и увеселений было вдоволь, но не было самого важного для русского народа – храма Божьего, где бы православное население Ачуева могло приносить общую молитву за создателя Ачуевского рыболовства Григория Александровича Потемкина, оставившего в наследство войску Черноморскому богатейшее свое имение на Кубанской земле, давшее заработки тысячам бедных людей. Войсковой протоиерей Черноморского войска Россинский первый обратил внимание на Ачуев, где, по его словам, с прилегающими к Ачуеву прочими рыболовными заводами, в известные периоды лова рыбы скоплялось до 1000 человек.

Принимая во внимание, что в Ачуевском рыболовном заводе, при неимении храма Божьего и его служителей, все духовные требы исполняли церковнослужители ближайшей приходской

Николаевской церкви куреня Ново-Нижестеблиевского (он же Гривенский), отстоящего от Ачуева на расстоянии 60 верст, откуда по случаю наводнения и болотистых мест вокруг Ачуева сообщение крайне затруднительно, протоиерей Россинский в 1813 г. возбудил ходатайство по духовному ведомству через Екатеринославскую Духовную Консисторию о дозволении устроить в Ачуеве отдельную церковь, от таковой Николаевской Ново-Нижестеблиевского куреня, с посвящением нового храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Архиепископ Екатеринославский, Херсонский и Таврический Иов, не разрешая строить в Ачуеве церковь, дозволил соорудить там молитвенный дом с тем, чтобы он был снабжен святым антиминсом для богослужения, а производить таковое предоставил священно-церковно-служителям названной Николаевской церкви по очереди. По этому разрешению молитвенный дом в Ачуеве был устроен и в нем производилось богослужение тогда только, когда можно было проехать через болото от куреня Ново-Нижестеблиевского до Ачуева, но в 1841 году дом этот, за совершенную ветхостью его, по распоряжению Черноморской войсковой канцелярии, продан в разобранном виде за 9 руб. 42 ³/₄ коп. серебром [24].

Бывший в Ачуеве молитвенный дом ни по размерам помещения, но по внутреннему украшению своему не удовлетворял духовной потребности благочестивых христиан, как постоянно, так и временно там находившихся. Каждый смотрел на этот убогий храм как на временное помещение для общей молитвы и не старался об украшении оно; ко всему этому присоединялась еще у многих верующих скорбь, что молитвенный дом по долгу пустовал, по неимению своего церковного причта. Другого Россинского уже не было хлопотать об устройстве в Ачуеве церкви; да если бы и был подобный ему ревнитель христианского благочестия, то едва ли бы достиг разрешения. Духовное ведомство считало для Ачуева достаточным и одного молитвенного дома, так как постоянных жителей в этом месте было не особенно много, но если духовная власть не заботилась об Ачуевском храме, то светское начальство взялось за это дело.

Еще до начала существования в Ачуеве молитвенного дома наказной атаман Черноморского войска, генерал Завадовский, в июле 1835

года сделал представление командиру отдельного кавказского корпуса барону Розену I следующего содержания: - «Войсковой Ачуевский рыболовный завод есть дар принесенный войску Черноморскому от щедрот покойного генерал – фельдмаршала, светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, которому оный пожалован блаженной памяти Государыней Императрицей Екатериною Алексеевною. Его Светлость предстательствуя у монаршего престола о пользах Черноморских казаков за их верные службы изволил пожертвовать им завод сей в вечную собственность, желая тем изъявить знак особенного внимания Черноморцам так блестяще выполнявшим долг свой на разном поле под начальством светлейшего князя. Войско Черноморское благоговей к памяти знаменитого вождя и взирая на дар его как на памятник славы своей и вместе как на источник вспомоществующий нуждам войсковым приносимыми им доходами давно желал увековечить память благотворительного князя построенным в Ачуевском укреплении, где находится рыболовный завод каменной церкви, об одном престоле, во имя Св. Григория Богослова».

Такое представление атамана Завадовского, выражавшее общее желание Черноморцев почтить святым храмом память своего благодетеля Григория Александровича Потемкина, доложенное Святейшему Синоду и Государю Императору Николаю Павловичу военным министром графом Чернышевым, удостоилось синодального одобрения и высочайшего разрешения, по которому последовало повеление Его Величества в 1838 году соорудить в память фельдмаршала князя Потемкина-Таврического в Ачуевском укреплении каменную церковь во имя св. Григория Богослова на войсковой счет для чего ассигновано из суммы войска Черноморского 11791 р. 8 к. серебром [25].

По Высочайше утвержденному плану церковь в Ачуеве была выстроена подрядчиком купцом Степаном Еременком и принята войсковую канцелярией, через особую комиссию, в 1842 году [26], и таким образом заменила тот убогий молитвенный дом, который духовное ведомство разрешило иметь в Ачуеве, проданный на слом, как выше значится, за десять рублей с копейками.

В построенную Ачуевскую войсковую церковь первоначально, по распоряжению войскового

начальства, в 1843 году, был поставлен старый иконостас из войсковой богадельнинской церкви, а церковная утварь поступила из разобранного Ачуевского молитвенного дома, новый же иконостас было поручено написать академику Черноморского войска сотнику Шамраю, но сделанные им на полотне иконы признаны были неудовлетворительными и не приняты.

На сооружение иконостаса в Ачуевскую церковь была открыта подписка доброхотных пожертвований. Войсковое правительство со своей стороны никаких заказов уже по изготовлению иконостаса не производило. Ачуевская церковь и без этого имела полную возможность украситься добровольными пожертвованиями своих прихожан, довольных тем, что дождалась иметь у себя прекрасный каменный храм, в котором началось уже постоянное богослужение назначенным от духовного ведомства священником.

Положением военного совета, Высочайше утвержденным 16 Октября 1858 года, предоставлено Черноморскому войсковому начальству избирать ктитором или церковным старостой в Ачуевскую войсковую церковь способных и благонадежных лиц с утверждением их в этом звании епархиальным начальством, которому они и подчинены на общем основании.

Приближается 1897 год, а с ним и 200 лет существования Ачуева. В течение этих двух столетий Ачуев пережил много событий, имеющих важное

историческое значение для Кубанского края, но несомненно нужно считать главным то роковое время, когда Ачуев потерял свое стратегическое значение турецкой крепости, или правильное уже Крымской, и русского укрепленного поста и совершенно опустел и развалился. Ачуеву грозило полное запустение. Но в это время всемогущий вельможа князь Григорий Александрович Потемкин Таврический берет исчезающий с карты Российской Империи Ачуев в свои мощные руки и превращает не имевшие никакого значения его развалины в цветущее промышленное местечко, развив там одно из лучших в целой России рыболовство.

Благодарное Черноморское войско, получив в дар от светлейшего князя Ачуевскую дачу, вошедшую в черту Высочайше пожалованной оному в 1792 году земли, поддержало славу Ачуева, развернув в нем рыбопромышленные обороты на сотни тысяч рублей и почтило своего благодетеля лучшим христианским памятником, храмом Божьим, сооруженным в честь его имени в Ачуеве, с Высочайшего соизволения.

Честь Черноморцам, почтившим святым храмом в Ачуеве память своего благодетеля князя Григория Александровича, а Ачуеву да будет слава.

16 июля 1896 года
г. Екатеринодар
Д. чл. П.П. Короленко

Список использованных источников:

1. Москов. Отд. Архив Главн. Штаба, Секр. по вытязе, оп. 47, кн. 130, по катал. № 148. Зап. Одес. Общ. Истор. и Древ. т. XV, Одесса, 1889, стр. 290;
2. Зап. Одес. Общ. Истор. и Древ. т. XV, стр. 224 – 225;
3. См. план Ачуева музея Императорского Одес. Общ. Истор. И Древн. По каталогу 1888 г. № 97, табл. 2;
4. Дубровин. Присоед. Крыма к России 1885, Спб. т. 1, акты № 119, 152, Сакович. Истор. Обзор деятельн. гр. Румянцева и его сподвижников. (Русск. Беседа 1858 т. II, кн. 10) стр. 53;
5. Дубровин. Присоединение Крыма к России, т. 1, акт № 166;
6. Сакович. (Рус. Беседа. 1858 г. т. III. кн. 11) стр. 121, 122, 126, 131; Дубровин, т. II, акт 51;
7. Там же (Сакович) т. IV, кн. 12. Стр. 174, 200, 201, 302;
8. Там же (Дубровин) т. III, акт № 114;
9. Там же. Акты 183, 184, 194. Полн. Собр. Зап. т. XXI, № 15708;
10. Полн. Собр. Зап. т. XXIII, № 17055;
11. Приложение I;
12. Приложение II;
13. См. Приложение I;
14. Приложение III;
15. Приложение IV;
16. Военно-историч. материалы Дубровина. Вып. VIII. Спб. 1885. № 356;

17. Кубанский Войсков. Архив. Общ. атам. опись. Дело 1892 г. № 161;
18. Полн. Собр. Зап. т. XXIII № 17055;
19. Прим. Редакции. Вероятно, на тот, который он предполагал открыть в Екатеринославе;
20. Кубанск. Войсков. Архив. Общ. атам. опись. Дело № 204/1792 г.;
21. Там же № 262/1794 г.;
22. Приложение V;
23. Там же;
24. Кубанск. Войск. Архив. Оп. войсков. канцелярии № 293/1813 г. 10 Оп. врем. отд. № 620/1841 г.;
25. Кубанск. Войсков. Архив. Оп. врем. отд. 5, № 620/1835 г.;
26. Там же;

ПРИЛОЖЕНИЕ I

(Списано с засвидетельствованной копии. Кубан. войск. Арх. Общ. оп. Дело. 1790 г. / № 89)

ОРДЕР

*Войска верных казаков черноморских Кошевому Атаману Господину Бригадиру и кавалеру Чепеге
Войсковым Старшинам и всему обществу*

Накинбургской стороны земли не принадлежащие помещикам, а от Буга по морю до Днестра линией на карте означенные определяются для войска Черноморского присовокупляется к тому-же еще округ Еникольской с таманом, на котором отведенные мне места с рыбными ловлями самыми изобильными, любя войско, навсегда оному дарю. Для обозрения тамошних земель и вод пошлите надежных людей и донесите мне о годности их, я-же, с моей стороны, дам вам землемера для снятия плана.

Князь Потемкин-Таврический

Апреля 19-го дня
1790 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

(Списано с засвидетельствованной копии. Кубан. войск. Арх. Общ. оп. Дело. 1790 г. / № 89)

Место Императорского герба

Граф Григорий Потемкин-Таврический Священной Римской Империи

Князь великий Гетман Императорских казацких войск Черноморских и Екатеринославских.

Войска верных казаков Черноморских Кошевому атаману Господину Бригадиру и Кавалеру Чепеге,
Войсковым Старшинам и всему обществу.

Я на готове сам быть в Бендеры, и тут увидя вас самолично о многом переговорить. Предварительно-же вам предписываю, чтобы чины к Булаве Великого Гетмана и бунчуковые товарищи, равномерно и полк конвой лучших казаков и доброконных рады страже моей были изготовлены.

Для осмотра мест и рыбных ловлей у Ениколя, а на Тамане от меня дарованных, изберите знающих старшин, которые и отправятся с полковником и кавалером Тизенгаузеном, а как там на ловлях работников из малой России и польши, то и предпишите стараться приглашать их в войско.

Князь Потемкин-Таврический.

Место Его Светлости Герба

Мая 27 дня 1790 года
Кокотены

ПРИЛОЖЕНИЕ III

(Списано с засвидетельствованной копии. Кубан. войск. Арх. Общ. оп. Дело. 1792 г. №9 по Войсков. Правит.)

Милостивый Государь мой
Алексей Иванович!

Ачуевска моя дача с рыбными ловлями и соляными озерами, тоже и Ейские рыболовные участки приносили пред сим знатный доход, а теперь все то остается без призрения и ничего не получается; по близкому сей дачи положению к месту Вашего пребывания, прошу ваше превосходительство взять оную в ваш присмотр и хозяйственное распоряжение таким образом, чтоб и мог видеть действительные от того доходы, старание ваше в устройстве и приобретении сей пользы возспособствует моим намерениям к умножению капитала университетской суммы, сделав мне в оном одолжение можете быть уверены об отличном моем к вам почтении, с коим пребуду,

Вашего превосходительства
милостивый Государь мой
покорным слугою
Князь Потемкин-Таврический

Февраля 8 дня
1791 года.
Яссы.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

(Согласно с засвидетельствованной копии указа Черноморского Войскового Правительства Полковнику Белому Куб. войск. Арх. общ. оп. Дело 1792 года № 204-й)

*Выписка из контракта, заключенного Донским Войсковым Атаманом
Генерал-Поручиком Иловайским с казаком Кирилом Селиверстовым в 1781 году
на Ачуевскую дачу.*

«Покойный Его Светлость Князь Григорий Александрович Потемкин Таврический, Ачуевскую дачу его с рыбными ловлями и соляными озерами и Ейские рыбные ловли, по присланному от него в минувшем 791 году письму, препоручил в его, Иловайского, распоряжения и потому Ачуевские ловли с косами и соляными озерами в том-же году на трех летнее, а река Ея с затоном сего года на двух летнее содержание отданы им в откуп того войска казаку Кирилу Селиверстову...

1) Он Селиверстов у Господина Генерал-Поручика и кавалера Иловайского взял на откуп Ачуевскую Его Светлости Князя Потемкина-Таврического дачу, которая простирается по берегу левой стороны Азовского моря от Ейской косы, вниз до устья Черного моря по реке Кубани на нижеследующих условиях: 1) по всему тому берегу на косах и речках Челбаса и Бейсуга по лиманам тож и в Черной протоке и в принадлежащих к ним речках и лиманах иметь ему собственную посудую неводами, вентерями, волокушами и сетками рыбы лов от законченного того контракта чрез три года, а именно 1794 г. Генваря по первое число; 2) в каждый год платить в доход Его Светлости денег три тысячи рублей или деньги внести вышеписанному Иловайскому или кому от него приказано будет ежегодно по окончании рыбного лова Декабря к 15 числу непременно медною монетою или государственными ассигнациями; 3) соляные озера в даче сей находящиеся чрез откупные три года остаются также за ним, Селиверстовым, и ежели будет урожай и способы найдет брать оную и других охотников до того допускать станет, должен внести с каждого пуда в тот-же доход по две копейки и сколько им и посторонними людьми с озера вывезено будет, в том чрез поверенного по совести верный отчет сделать и подлежащее число денег к первому числу Декабря уплатить должен оному-же Иловайскому; 4) при всех местах, где в даче Его Светлости рыбный лов им производим будет, никому не от казенной стороны, ни портикулярным людям продажи горячему чину не чинить, дабы от того рабочие люди от работ отстать и подрыва в ловли и сметы рыбы не могло происходить; 5) в отвращение такого убытка все суда к заводам принадлежащие ни по казенным надобностям и ни под каким видом нигде не удерживать; 6) продажу рыбы при всех пристанях, как в дачах войсковых и в других местах, по морским косам, ежели иногда судно штурмом занесено будет не

воспрещать; 7) будучи-ж между продолжения в дачи сего промысла в каком году последует на заводы от Закубанцев нападение и грабительство, а он то верным свидетельством докажет, в таком случае за тот год свободен от платежа, подлежащих за откуп денег и отнюдь оных с него не взыскивать.

2) Ейские рыбные ловли, а именно – косы Ейскую долгую и Комышеватую на условии следующем: 1) чтобы Селиверстову по обоим сторонам трех упомянутых кос иметь собственную его разного рода посудую рыбы лов через три года, а именно: 794 года Января по 1-е число; 2) в каждый год платить вышеписанную сумму тысячу четыреста пятьдесят рублей, и 3) реку Ею, протоку Пашковку и Ревину косу с тем, чтобы в двухгодное время иметь ему в оных лов рыбы в реке Еи вентерями, а на Ревинной косе и Пашковки неводами; ставку вентерей по реке Еи простирать до верхнего моста, равно и в Пашковке и при Ревинной косе, кроме его никому вольнопромышляющим отнюдь под опасением взыскания откупа на лов рыбы самовольно не иметь и при устье реки Еи и протоке Пашковке сандольной рыбы не быть. За сии места в каждый год платить денег по четыреста рублей к тому-же числу Декабря вышеназванному Генералу Иловайскому».

ПРИЛОЖЕНИЕ V

(Списано с засвидетельствованной копии. Кубан. войск. Арх. Общ. оп. 1792 г. №9 по Войсковому Правительству)

Милостивый Государь мой
Алексей Иванович!

На представление Вашего превосходительства от 24-го минувшего октября, относительно Ачуевской дачи, которая с ее рыбными ловлями и соляными озерами состояла на откупе у казака Селиверстова и на последок поступила во владение Черноморского войска, сообщить нахожу, что по мнению моему все те доходы, которые со времени ее тому войску пожалования, собраны, оному и отданы быть должны, прежние-же употреблены так, как об них от покойного Генерала-Фельдмаршала и кавалера Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, коему дача та принадлежала предполагалось было.

Пребывающий с истинным почтением и преданностью
вашего превосходительства
покорный слуга
Граф Николай Салтыков.

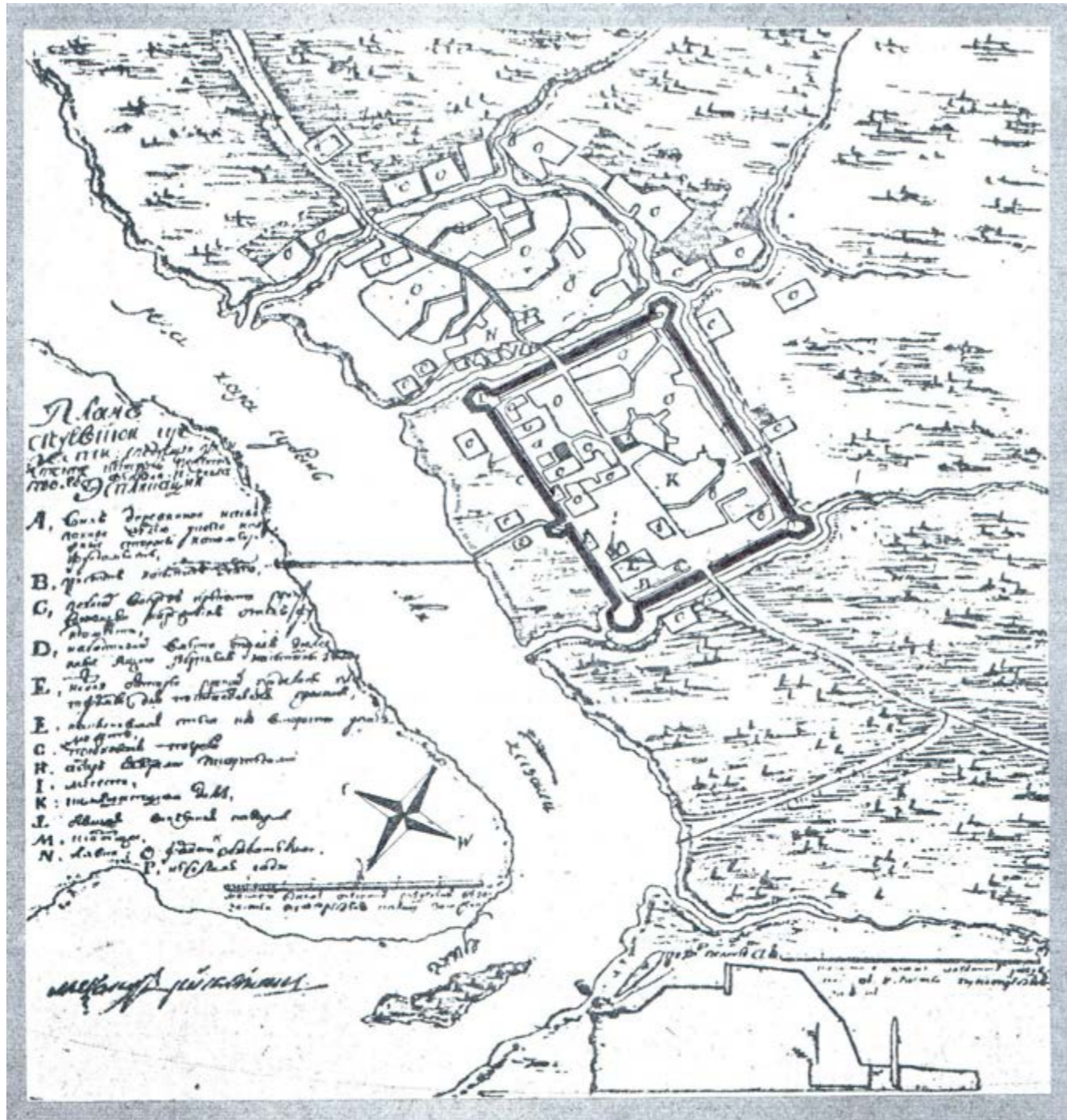
№ 2109
Санкт-Петербург
Ноября 23 дня
1795-го года
Его Превосходительству
Иловайскому

Пояснения к публикации:

Статья выдающегося кубанского историка Прокопия Петровича Короленко (умер в 1913 г.), подготовленная к 200-летию юбилею со дня основания турецкой крепости Ачуев, за последние 100 лет не переиздавалась и широкому кругу читателей не известна. В связи с чем, редакцией было принято решение о размещении ее на страницах настоящего альманаха.

Текст воспроизведен в полном соответствии с оригиналом, опубликованным в книге «Записки Императорского Одесского Общества Истории и Древностей». т. XIX, Одесса, 1896 год. Лексика, орфография и пунктуация автора сохранены. Для облегчения чтения из текста удалены буквы, применявшиеся до реформы письменности 1917 – 1918 гг. - Ъ, І, Ъ. Авторские подстрочные сноски, в связи с изменением формата публикации, заменены на концевые со сквозной нумерацией. Статья проиллюстрирована редакцией альманаха.

План крепости Ачуев, конец XVIII-го века

Присяга ачуевских жителей, данная Шагин-Гирей — хану

Мы, ачуевские жители, начальники и граждане, сверх того, что издавна обитая между татарским народом, принадлежим власти крымских ханов и ныне по установлении согласиём двух империй вольности, сообразно которой возвращены и отданы все крепости и города, в земле татарской лежащие, господствующему в таком состоянии властителю, подчиняем себя начальствующему в теперешнее время над татарами светлейшему и самодержавному Шагин-Гирей-хану, с тем, чтобы впредь навсегда, признавая его светлость ханом, принимать его повеления с послушанием и, подражательно законам, исполнять всякие дела с усердием, а ежели в чём окажемся преступны или ослушны и нарушим в каком бы то роде и виде ни было сие клятвенное обязательство, то подвергаем себя, как по законам, так и по государственным правам всякому истязанию. Словом, предавая себя и все наши дела его светлости, подносим сие утверждённое общими нашими печатями.

Подлинное подписали 66 человек.

Н.Дубровин. ПРИСОЕДИНЕНИЕ КРЫМА К РОССИИ
Том первый. 1775-1777 годы.
СПб, 1885.

Галерея Славы. Портреты наших земляков

Лелис Афанасий Фёдорович

Афанасий Фёдорович Лелис

Родился я 27 декабря 1918 года в селе Долинское Одесской области в крестьянской семье. В семье было четверо детей. В голодные 1932 – 1933-й годы от истощения умер отец и старший брат. Я, мама и две сестры выжили. В 1936 году, после окончания восьмилетней школы, поступил работать на узел связи учеником телеграфиста. Основное обучение – это азбука Морзе и работа на «ключе». Через полгода мне была присвоена квалификация специалиста электросвязи.

Осенью 1939 года меня призвали на службу в армию и направили в город Сызрань (Куйбышевская область) в отдельный учебный батальон связи. В конце января 1940 года, после семимесячного обучения, получил направление на финский фронт. Но, пока мы находились в пути, война с Финляндией завершилась, был подписан мирный договор, и наш 80 артиллерийский полк отправили на юг в город Нахичевань, столицу Нахичеванской автономной республики в составе Азербайджанской ССР. На новом месте службы меня зачислили связистом в отделение связи, командир отделения – сержант Михаил Корбань.

Город Нахичевань находится всего в 4-х километрах от границы с Ираном. Наш полк располагался на северо-западной окраине города. В нескольких

десятках километрах на северо-запад в сторону гор располагались летние лагеря. Основное оружие нашего артиллерийского полка – 76-мм пушки и 122-мм гаубицы. В полку было три дивизиона, в дивизионе – три батареи, в батарее – три взвода, в каждом взводе – четыре 76-мм пушки или четыре 122-мм гаубицы. В каждом дивизионе были взвода связи, тылового и материально-технического обеспечения. Все подразделения полка ежедневно занимались боевой и политической подготовкой. Наше отделение связи, помимо изучения телеграфной, телефонной и радиосвязи (радиостанция 5-АК), постоянно занималось изучением уставов, строевой и физической подготовкой, изучением стрелкового оружия (винтовка Мосина), тактики ведения наступательного, штыкового и оборонительного боев.

Ранним утром 22 июня 1941 года наш полк, согласно плану учебно-полевых мероприятий, всем личным составом пешим маршем выдвинулся в летние лагеря. Через несколько километров пройденного пути нашу колонну на большой скорости догнал на мотоцикле дежурный, направленный из расположения полка. Поступил приказ возвращаться в казармы. В город мы возвратились быстро. На плацу построили весь личный состав полка для краткого сообщения – началась война с Германией.

В начале августа наш полк был поднят по боевой тревоге и выдвинулся в полной боевой готовности в сторону иранской границы. Не доходя менее километра до границы, полк с марша был развернут в боевом порядке вдоль границы и сходу произвел пушечно-гаубичный обстрел иранской территории. После проведенной артподготовки полк построили в маршевую колонну, и мы двинулись в сторону границы. Впереди нас шли пехотные части. При переходе границы мы не встретили никакого сопротивления со стороны иранской армии и через несколько часов, на полном ходу, заняли иранский город Тавриз (Тебриз), который находится более чем в 60-ти километрах южнее границы.

Сопротивления со стороны иранской пограничной службы и регулярной армии нашим войскам не было никакого. В результате мощного артиллерийского обстрела с нашей стороны иранские воинские части просто разбежались. Переход границы и занятие части иранской территории нашими войсками, было упреждением нападения на Советский Союз турецкой армии через Иран.

В городе Тавриз полк находился больше месяца,

Встреча ветеранов войны со школьниками

и всё это время поддерживалась повышенная боевая готовность, велись ежедневные изматывающие батарейные, дивизионные или полковые полевые учения.

В конце августа полк в полном составе был возвращён в казармы города Нахичевань. На второй день после прибытия поступил приказ об отправке полка на фронт в составе 76-й горно-стрелковой дивизии Юго-Западного фронта.

Первые эшелоны с личным составом и вооружением полка стали прибывать на железнодорожную станцию небольшого городка Богодухов Харьковской области. Только заняли оборону, начали укрепительные и маскировочные земляные работы, как поступила новая команда об отходе на новые позиции западнее города Харькова. В спешном порядке без отдыха и сна строились укрепленные позиции: орудия окапывались и маскировались, между батареями рылись полнопрофильные окопы и ходы сообщения, землянки, и всё это – под постоянной, почти ежедневной бомбёжкой немецкой авиации. Боевая задача взвода связи заключалась в развертывании надёжной связи между батареями.

Раннее утро 27 сентября 1941 года я запомнил на всю жизнь. Для меня это был первый бой. Рассветную тишину разорвал сильный и непрерывный обстрел наших позиций вражеской дальноточной артиллерией. Следом за артиллерией по нашим позициям прошлась авиация противника. От воя снарядов, мин, взрывов и грохота содрогалась земля. Не успели улечься вражеские самолёты, как в атаку под прикрытием пехоты пошли танки. Я был оглушён непрерывной артиллерийской канонадой и бомбёжкой, продолжавшейся около часа, меня качало. В горле першило от густого, висевшего в воздухе смрадного запаха пороха, горевшей земли и металла. Все наши укрепления были разрушены и демаскированы.

На батареях, на которой я находился, были ранены два подносчика снарядов, и мне приказали заменить их. И, все-таки, ту, первую в моей жизни атаку противника, мы отразили, не дали даже окопаться вражеской пехоте, вынудили отступить.

В тот день наш полк отразил ещё четыре танковые атаки, большинство наших орудий было разбито, потери – сотни убитых и раненных, но враг так и не смог прорвать нашу оборону.

После многодневных непрерывных, ожесточённых оборонительных боёв под Харьковом полк понёс большие потери, как в личном составе, так и в вооружении. Под превосходящими силами врага, обороняясь и неся большие потери, мы вынуждены были отступать всё дальше на восток. И очень часто приходилось отступать только потому, что нам нечем было обороняться. Мы были сильно ослаблены непрерывными боями. Не хватало боеприпасов, продовольствия, одежда была грязной и рваной. Как только мы в спешке на новом рубеже линии обороны занимали новые позиции, сразу же начинались новые налёты авиации противника, обстрелы нашей линии обороны артиллерией и непрерывные танковые и пехотные атаки немецких войск. Враг всё время наступал нам на пятки. За месяц оборонительных боёв почти все орудия полка были разбиты, были убиты или разбежались лошади. Оставшиеся орудия приходилось перемещать самим солдатам. В полку, насчитывавшем более тысячи человек, осталось меньше сотни солдат и офицеров.

В середине октября 1941 года остатки полка сняли с линии обороны и отправили в тыл в район станции Вёшенская (Ростовская область) на отдых, переформирование и пополнение. Здесь же, в Вёшенской, мы получили зимнюю форму одежды. Шинели заменили на более удобные бушлаты, вместо ботинок с обмотками выдали кирзовые сапоги.

Пехотинцы, разведчики, корректировщики, связисты получили автоматы ППШ. Из Вёшенской в спешном порядке полк пешим маршем отправили в тыл на учебно-полевые лагеря в районе станции Фролово Сталинградской области.

После переформирования рядовой состав полка состоял процентов на 90 из солдат, которые ещё не были на фронте, а больше половины призывников – добровольцы 17 – 18-ти лет, не успевшие до войны пройти военную службу по возрасту. Почти месяц шла упорная, до двадцати часов в сутки, ежедневная учёба. Но как бы ни была тяжела учёба, это был наш тыл. В конце ноября полк вывели из резерва и отправили на фронт.

С декабря 1941 года по осень 1942 года полк вёл постоянные оборонительные бои на линии обороны Харьков – Сталинград. В оборонительных и контратакующих боях, полк понес большие потери, как в личном составе, так и в орудиях. А ещё и постоянная нехватка боеприпасов. От непрерывных атак превосходящих немецких войск мы хоть и медленно, но вынужденно отступали на восток.

В сентябре 1942 года полк вывели на переформирование в резерв фронта. Переформирование и пополнение прошло быстро, за несколько дней. Большинство из прибывших на пополнение солдат и офицеров успели повоювать. С первых дней после переформирования – ежедневные многочасовые полевые тактические учения. Как не трудно и тяжело было на учениях, но все к ним относились добросовестно и с полной отдачей сил. Все бойцы и командиры понимали, на фронте в бою будет труднее. Перед отправкой на фронт нам дали несколько дней отдыха.

В конце октября 1942 года полк вывели из резерва и отправили на фронт в действующую армию. Приказ – занять оборону на юго-западной окраине недалеко от станции Клетская (Сталинградская область). К линии обороны передвигались только по ночам, днем, замаскировав орудия, отдыхали. Стояли дождливые и холодные дни и ночи. От постоянно морозящего дождя одежда промокала насквозь, а земля превратилась в сплошное холодное и липкое месиво, в которое ноги проваливались по колено. Вокруг – сплошная безлесная равнина, дорог нет, а если и попадались, то раскисшие под дождём и изрытые глубокими колеями.

На заданное место прибыли ранним утром 2 ноября и, с марша, начали разворачивать орудия и окапываться. Отведённая нашему полку линия обороны находилась в нескольких километрах от фронта и являлась вторым эшелоном обороны на случай прорыва немецких танков. Мы не успели не то что окопаться, но даже развернуть орудия в боевом порядке, как налетела авиация противника и прошлась бомбометанием по нашим позициям. В тот день немецкая авиация ещё несколько раз на-

летала и бомбила наши боевые порядки. Никакой защиты от авиации противника не было, т.к. ровная безлесная местность простреливалась на многие километры. Солдаты не успевали подняться и отряхнуться от мокрой и липкой земли, как снова начинались бомбёжки. Наши самолётов в небе практически не было. Вражеская авиация господствовала в воздухе. Тучи дыма и пыли застилали солнечный свет, над полем боя стоял непрерывный свист и грохот, земля была в сплошных дымящихся воронках.

4 ноября дождь сменился снегом. Двое суток падал густой мокрый снег. Как только прекратил падать снег, ударил мороз и с первого дня – больше двадцати градусов. По всему фронту установилось затишье. Не летали самолёты, не вела обстрелов артиллерия, прекратились атаки. Только изредка тишину нарушали редкие пулёмётные или миномётные выстрелы как с нашей, так и с немецкой стороны. Дни стояли морозные, дул постоянный пронизывающий ветер. В эти дни с тыла к нам стало прибывать подкрепление. На передовой шла замена на новые хорошо вооружённые и одетые пехотные подразделения. Прибыло пополнение и в наш полк. Завозились снаряды, продукты. Даже легкораненые солдаты отводились в тыл. Мы понимали, что затишье временное, скоро в атаку. 7 ноября в честь праздника Октябрьской революции к нам на позицию приезжали с концертом артисты.

Запомнилось 19 ноября 1942 года. В 7 часов 30 минут началось наступление наших войск по всему фронту. Сначала была проведена артиллерийская подготовка, которая длилась 50 минут. В этот день я впервые увидел залпы реактивных миномётов. Сотни видимых огненных стрел полетели на врага. Позиции немцев одновременно вздыбились массой взрывов по всему видимому фронту. После артиллерийской и миномётной канонады над немецкими позициями прошлись наши бомбардировщики, и тогда в атаку пошли наша танки, кавалерия, пехота. На врага хлынула такая масса наших войск, что враг не устоял и стал отступать.

В районе хутора Вертячий немцы на своей второй линии обороны закрепились и предприняли попытку контратаки. Наши войска остановились. Шла ожесточённая артиллерийская перестрелка. Немцы, неся большие потери, отчаянно оборонялись, то отступая, то переходя в контратаки. После нескольких часов ожесточённой схватки на прорыв нашей обороны пошли немецкие танки при поддержке пехоты. Связь между батареями нашего полка была повреждена. Я получил приказ восстановить связь. Под непрерывным и шквальным огнём удалось выполнить задание, что позволило скорректировать огонь наших орудий. Мы не только отбили танковую атаку и не дали закрепиться немецкой пехоте, а сами перешли в контрнасту-

пление и продвинулись вперёд на несколько десятков километров. А в последующие дни полностью прорвали оборону противника и сомкнули кольцо окружения вокруг группировки войск, находящихся в Сталинграде.

Несколько недель шли упорные бои на два фронта. Постоянно маневрируя, и меняя боевые позиции, стойко отражали массированные танковые и пехотные атаки вражеских войск попавших в окружение. Но сходу разгромить немцев в Сталинграде мы не смогли. Враг продолжал отчаянно сопротивляться. В начале декабря немецкие войска были по всему внешнему фронту отброшены на десятки километров, а Сталинградская группировка плотно взята в кольцо окружения и отрезана от своих основных войск широким участком фронта освобождённой нами территории.

10 января 1943 года по радио от советского командования для войск противника, окружённого в Сталинграде, был передан ультиматум о прекращении сопротивления и сдачи в плен. Окружённые немцы ультиматум отклонили и продолжили отчаянно сопротивляться. День за днём в тяжёлых наступательных боях наши части всё сильнее сжимали кольцо окружения. Наш полк в ходе наступательных боёв к концу января вышел к северо-западной окраине Сталинграда.

31 января было объявлено о прекращении огня. Немцы стали сдаваться в плен. На них было жалко смотреть: худые, грязные, заросшие, форма – рванье, куча всяких тряпок.

За обеспечение связи во время боев на Сталинградском направлении меня наградили орденом Красной Звезды.

После завершения Сталинградской битвы полк отвели в тыл на переформирование и отдых. Отдыхать, правда, долго не пришлось. Меня направили в новую часть в 138-й Гвардейский полк 176-й Гвардейской дивизии 6-й Гвардейской Армии Воронежского фронта.

В середине марта полк по железной дороге прибыл в город Курск. Из Курска пешим маршем (а шли мы только по ночам, днём отдыхали) за несколько суток через город Обоянь прибыли на юго-западную сторону городка Томаровка и заняли боевые позиции. За два дня полк окопался, были сооружены блиндажи и окопы, произведена тщательная маскировка позиций. На второй день, как только все позиционные укрепления были сооружены и замаскированы, полк в полном составе сняли и отвели на несколько километров севернее Томаровки на вторую линию обороны, южнее сёл Дмитриевка, Ольховка. Построенную нами первую линию обороны севернее Томаровки заняли другие подразделения. В последующем я узнал, что таких тыловых эшелонированных линий обороны было пять.

Наша вторая линия обороны от передовой на-

ходила километрах в пяти. Это позволяло личному составу полка в относительно спокойной обстановке построить глубоко эшелонированные укрепления, разветвлённую сеть окопов и блиндажей. До начала июля по всему фронту почти никаких боёв не было. Но затишье было обманчивым, как тишина перед грозой. Мы понимали, что немцы попытаются взять реванш за поражение под Сталинградом.

Всё началось 5 июля. Хотя мы и находились на второй линии обороны, но дальнобойная артиллерия и авиация противника вела огонь и по нашим позициям. 6 июля немецкие танки при поддержке авиации прорвали первую линию обороны и двинулись на нас. Сотни немецких танков двигались на наши позиции по всему фронту. На момент прорыва немецких танков я находился на огневой позиции 7-й батареи. На нашу батарею ползло три немецких танка, которые прикрывала вражеская пехота. Огнём нашей батареи были подбиты два танка. Третий танк противника подорвали гранатой, остальные повернули назад. Пехота противника под нашим шквальным огнём залегла, стала отступать. Атака была отбита и остановлена. В тот день полк отразил ещё две танковые атаки. Несколько дней шли тяжёлые позиционные бои, которые сопровождалась постоянной артиллерийской канонадой и танковыми атаками. Мы понесли большие потери. Но когда противник шёл в атаку, мы его встречали плотным огнём. Десятки подбитых вражеских танков дымилась перед нашими позициями. После нескольких дней тяжёлых оборонительных боёв наши боевые позиции сравнялись с землёй. Вся земля чернела от бомб и снарядов. Ни траншей, ни окопов на ней не осталось. Всё было разрушено. Но вражеские танки на нашем участке фронта не прошли.

12 июля произошёл перелом в ходе сражения. В атаку пошли наши войска резервного Степного фронта. Мимо нас из нашего тыла, сходу контратакуя противника, двинулись сотни наших танков при поддержке пехоты. Противник не устоял и стал отступать. В тяжёлых и упорных наступательных и контратакующих боях наш полк каждый день продвигался на десятки километров всё дальше на запад. К двадцатым числам августа мы вышли на северную окраину Харькова.

22 августа полк сняли с фронта и отправили в тыл на пополнение. Через несколько дней отдыха полк в полном составе погрузили в эшелон и отправили под Ленинград на Волховский фронт. В конце августа 1943 года прибыли в район города Тихвин. Ночью по бездорожью и болоту перетащили орудия на передний край фронта и стали окапываться, занимая отведённую линию обороны. Вечером поступила команда сняться с занятой позиции и перейти на новое место. До конца сентября мы несколько раз меняли позиции. С позиции на по-

А.Ф.Лелис на встрече ветеранов Великой Отечественной войны

зицию перемещались только ночью. Мы, рядовые солдаты, не знали, с какой целью происходят перемещения с позиции на позицию, но четко и добросовестно выполняли приказы. Нельзя было понять, готовимся мы к обороне или будем наступать.

В первых числах октября меня вызывают в штаб полка, дают командировочное предписание, где сказано, что я переведён в резерв обороны и направляюсь курсантом в военно-пехотное училище города Скопин Московской области.

Учёба была не сложной, но напряжённой и изматывающей физически. Основным занятием была топография и тактика ведения боя. Занимались по 16 – 18 часов в сутки. Бывали моменты, когда в строю на ходу засыпаешь, замедляешь шаг, просыпаешься от толчка в спину.

В сентябре 1944 года после окончания учёбы мне присвоили звание лейтенанта и направили на фронт в действующую армию с назначением на должность командира взвода в 414-й стрелковый полк 156-й стрелковой дивизии 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта. В полк я прибыл 23 сентября. После представления и беседы с командиром полка меня назначили командиром стрелкового взвода. В то время наш полк находился на передовой в авангарде наступления в северо-западном направлении города Шауляй. Наступление наших войск шло по всему фронту. День за днем, километр за километром, в тяжёлых и ожесточенных боях мы двигались всё дальше на запад.

В одном из боёв в начале октября уже на юго-востоке города Шауляй я получил лёгкое ранение в левую руку. После обработки раны и перевязки в полевом медсанбате я вернулся в свою роту. В эти дни мы вели наступательные бои в направлении

небольшого городка Кельме, юго-восточнее города Шауляй. Примерно через неделю меня вызвали в штаб полка и назначили начальником штаба батальона вместо выбывшего по ранению прежнего начштаба. Но в должности начальника штаба батальона я пробыл не долго. 10 октября недалеко от городка Кельме во время наступления я наступил на мину и получил тяжёлое ранение в левую ногу. Вся нога превратилась в сплошное рваное месиво. Сам я передвигаться не мог и меня два солдата доставили сначала в полковой медсанбат, а потом в госпиталь города Паневежис. Рана заживала очень плохо, гнивала, кровоточила. Всё шло к тому, что я мог лишиться ноги. Через полтора месяца лечения в госпитале меня на санитарном поезде отправили на лечение в глубокий тыл в город Георгиевск Московской области. В госпитале мне была оказана более квалифицированная помощь, рану заново перечистили, перешили, и дело пошло на поправку. Медленно, но рана стала заживать. В общей сложности в госпитале до полного выздоровления я пробыл почти 9 месяцев. А за бои под городом Шауляй был награждён орденом Отечественной войны 2-й степени.

15 мая 1945 года по решению медицинской комиссии я был признан годным к прохождению дальнейшей строевой службы, выписан из госпиталя и направлен в резерв на пункт распределения в город Зарайск. 20 мая мне присвоили звание старший лейтенант, и назначили командиром роты 3-го стрелкового батальона 54-го гвардейского стрелкового полка 19-й гвардейской стрелковой дивизии 39-й Армии и направили на Забайкальский фронт на войну с Японией.

По железной дороге в конце июля 1945 года прибыли в Читу. Из Читы на машинах по территории Монголии через столицу Улан-Батор вышли к китайской границе в районе станции Меньшуйгон. В ночь на 9 августа наш полк, находясь в авангарде вместе с передовыми разведывательными и танковыми частями, перешел границу и, стремительно наступая в направлении города Салунь, вышел к хорошо укрепленной и глубоко эшелонированной линии обороны японских войск. На несколько десятков километров мы продвинулись вперёд почти без боевого соприкосновения с противником, не считая небольших групп японских войск, которые мы быстро громили, разгоняли, брали в плен и двигались дальше. Наше стремительное наступление приостановилось на второй день на подходе к Салуньскому укрепрайону. Поступил приказ остановить наступление и занять оборону до подхода основных сил. На второй день после подхода основных сил наша дальнобойная и реактивная артиллерия произвела мощный получасовой обстрел прямой наводкой по укрепрайонам, не давая противнику поднять голову. В тыл японским войскам

были сброшены десантно-штурмовые группы. В это же время авиация с воздуха бомбила японские позиции и тылы. В атаку пошли небольшие, хорошо подготовленные мобильные танковые и пехотные группировки, которые стремительными фланговыми ударами рассекали группировку врага, отдельные очаги вражеского сопротивления брали в кольцо окружения и уничтожали. Наши атаки были скоротечными и без больших потерь. Японцам приходилось воевать на два фронта, под сильным и стремительным натиском наших войск японцы отступали или сдавались в плен.

Все наступательные операции по разгрому Квантунской группировки японской армии нашим командованием были хорошо спланированы и организованы с учётом условий горно-пустынной местности. Атаки наших войск по разгрому японских войск в Китае кардинально отличались в тактике и стратегии от тех, которые мы вели с немецкими войсками. Открытые лобовые атаки по вражеским позициям здесь не применялись.

Запомнился момент, когда, при переходе Большого Хингана, во время боевого марша, из-за холма, на наши танки с криком и гранатами в руках кинулся японский смертник. Находящиеся на броне пехотинцы сразили смертника автоматной очередью, но от взрывов гранат несколько наших солдат получили осколочные ранения.

За десять дней боевых действий мы, постоянно атакуя непродолжительными, скоротечными боями, 14 августа заняли город Таоань, 19 августа овладели городом Мугден. Перед наступлением в тыл всех населённых пунктов, которые мы атаковали по ходу своего продвижения, заранее высаживался наш десант, который вносил панику и дезорганизацию, а нашим наступающим частям облегчал продвижение вперёд. Японцы сдавались или бежали, почти не оказывая сопротивления.

Боевые действия нашего полка закончились 22 августа 1945 года взятием города Порт-Артур (г. Люйшунь). За участие в боях против японских войск при освобождении Китая я был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени и медалью «За победу над Японией».

После окончания войны согласно договору между СССР и КНР по оказанию военно-политической помощи новому молодому коммунистическому государству, наш полк в числе других воинских частей продолжал нести воинскую службу в Китае и был расквартирован в Порт-Артуре. В 1946 году мне присвоили звание капитан и назначили начальником штаба 3-го батальона. За оказанную помощь в организации и обучении вооружённых сил Китайской Народной Освободительной Армии был награждён двумя китайскими медалями «Китайско-Советская дружба».

В 1953 году меня командировали в город Сол-

нечногорск (Московская область) на годичные курсы переподготовки офицерского состава. После окончания курсов в звании майора меня направили для дальнейшего прохождения воинской службы заместителем начальника штаба стрелкового полка, расквартированного в станице Славянской (город Славянск-на-Кубани). В 1960 году демобилизован по состоянию здоровья.

Оказавшись на пенсии, я только несколько недель смог побездельничать как пенсионер. Имея гражданскую специальность телеграфиста на аппарате Морзе, я обратился в районный узел связи, где выяснилось, что аппараты Морзе демонтированы как технически устаревшие, но мне предложили работу оператором почтовой связи в отдел сортировки периодики и писем. В том же году я поступил на заочное отделение Ростовского техникума связи на экономический факультет. После окончания учёбы и присвоения квалификации «Экономист на предприятиях связи» больше двадцати лет работал начальником производственного отдела Славянского узла связи. Потом ещё десять лет работал заведующим магазином «Вторсырьё».

Всю свою послевоенную трудовую деятельность я постоянно был занят общественной работой на предприятии и в городе: наставничество, патриотическое воспитание – встречи и беседы со школьниками, студентами, работающей молодёжью. Активно участвовал в организации и работе Славянского Совета ветеранов. Многие годы возглавлял секции ветеранов Сталинградской и Курской битв, 15 лет возглавлял партийную организацию Районного узла связи.

В основе жизни нашей семьи всегда были два принципа: честность и порядочность. У меня – две дочери и сын, которые создали крепкие семьи. Хочется увидеть будущее своих пяти внуков и семи правнуков, порадоваться их успехам. Два года назад по неосторожности у меня случился перелом шейки бедра. Но даже сейчас, когда я ограничен в движении, не потерял интерес к жизни. Продолжаю вести активный образ жизни на дому: патриотическую и воспитательную работу среди молодёжи и школьников, провожу «Уроки мужества» для солдат воинской части.

Нужно жить, во что бы то ни стало, не теряя интереса к жизни, вопреки всему!

Записано в октябре 2012 г.
по воспоминаниям
ветерана Великой Отечественной войны
Афанасия Фёдоровича Лелиса,
проживающего в г. Славянске-на-Кубани,
историком-краеведом
Б.Д. Фуфалько

ПРОТОКА

Северный рукав Кубани омывает территорию Славянского района (по новейшим данным) на протяжении 135,5 километра, что составляет почти половину длины окружной границы муниципального образования. Противоположный берег Протоки делят между собою три административных района края: Красноармейский, Калининский и Приморско-Ахтарский. Своё нынешнее название река обрела чуть более 200 лет назад, но его родословная уходит корнями в глубину веков.

р. Протока, восточная часть г. Славянска-на-Кубани

Знакомство с историческими и географическими источниками, относящимися к кубанской дельте и Восточному Приазовью, показывает, что самым древним из дошедших до нас имён Протоки является Гипанис («Лошадиная» или «Конская»). Так же в начале I века до новой эры называлась и сама Кубань. Римский историк А. Полигистор пишет: «Гипанис... делится на два рукава, из которых один впадает в Меотиду (Азовское море), а другой – в Понт (Черное море)». Поскольку тогдашнее название второго (южного) рукава доподлинно известно – Вардан, можно с уверенностью утверждать, что материнское имя досталось северному рукаву.

К мысли о том, что Гипанисом в древности называлась именно Протока, приводит и анализ ситуации, связанной с походом Фарнака II против дандариев (63 год до новой эры). Чтобы подчинить своей власти непокорных меотов, боспорский царь затопил их возделанные поля водами протекавшей рядом реки. А во времена Фарнака единственным местом кубанской дельты, где можно было постоянно жить и заниматься земледелием, являлся левый прирусловый вал верхнего течения Протоки. Не исключено, что это аккумулятивное образование, похожее на конскую гриву, и послужило основанием для присвоения реке такого необычного имени.

На рубеже старой и новой эры северному рукаву Кубани принадлежало одно из тех шести названий рек восточного побережья Меотиды, которые перечисляются в «Географии» Страбона. Известный кавказовед С. Броневский, имея в виду «рукав, текущий от Копыла прямо в Азовское море», считает: «Ему, кажется, приличествует местоположение страбоновой реки Атицита, или Антимас». В переводе с греческого языка гидроним означает Осетровая.

Александрийский учёный К. Птолемей, живший на 100 лет позже Страбона, не только солидаризируется с «отцом географии» в части названий восточно-меотидских рек, но и приводит координаты тогдашних мест их впадения в море. Однако, это не облегчает задачу идентификации отдельных водотоков, так как координаты их устьев (широта и долгота) получены не из астрономических определений, а из опросов арабских и греческих купцов и путешественников.

Сведений о том, какие названия носил северный рукав Кубани в эпоху Великого переселения народов (IV-VI столетия новой эры), история не сохранила. Но, исходя из того, что шедшие в Европу азиатские кочевники вначале знакомились с верхним и средним течением крупнейшей реки Предкавказья и лишь потом с её дельтовыми рукавами, логично предположить: на тогдашнюю Протоку могли распространяться те же названия, которые носила Кубань.

В VII-IX веках, пока на территории кубанской дельты обитали потомки хана Батбая, отказавшиеся переселиться на Дунай, северный рукав успел поменять около полудюжины близких по форме болгарских названий: Кофин, Кофеен, Копхен, Купис, Купи. По мнению учёных все гидронимы в переводе на русский язык означали одно и то же – «вода». Вполне возможно, что некоторые из них являлись именами крупных ериков, питаемых Кубанью и Протокой: Давидовки, Калауса, Глубокого Перевала.

В конце X столетия, когда на Таманском полуострове существовало русское Тмутараканское княжество, северный рукав Кубани, до того впадавший в Ахтарские лиманы, по неизвестной причине повернул на запад (в районе нынешней станции Гривенской) и понёс свои воды по одному из левобережных ериков непосредственно в Азовское море. К этому времени относится появление в работах византийского императора

Константина VII названия «Бурлик», созвучного русскому прилагательному «Бурный» и, якобы, приличествующего Кубани. Но современные учёные видят в нём тюркское словосочетание «пересыхающая река» и связывают его с ахтарским руслом Протоки, полагая, что это «более соответствует географической реалии».

Письменные документы и карты времён итальянской колонизации Северо-Западного Кавказа (XII-XV век) донесли до наших дней серию названий дельтовых рукавов Кубани с основой Копа: Коппо, Лакопа, Лакупа, Лоцикопа, Копарио. Многие исследователи позиционируют их с Протокой, на которой стояла крупнейшая заморская фактория республики Генуи – Копа, специализировавшаяся на торговле рыбой, икрой и рабами (нынешний город Славянск-на-Кубани). Семантика (смысл) названий до сих пор остаётся невыясненной: одни учёные усматривают в них греческий глагол копто «пластовать рыбу», другие – тюркское существительное копа «болото», «мелкое озерко, покрытое тростником».

С конца XV столетия, после разгрома генуэзских колоний османскими войсками и включения Таманского полуострова с Восточным Приазовьем в состав Крымского ханства, прежняя фактория Копа стала именоваться «Пустым городом на Кубе». Но утверждать, что под рекой понималась именно Протока, можно с определённой осторожностью, так как рядом с бывшей итальянской колонией в ту пору протекал и главный рукав Кубани, который спустя много времени получил названия Кубанка, или Старая Кубань.

Во второй половине XVI века северокавказские степи заполнили ногайцы Малой орды (Казыева улуса), и в местной гидронимии начал формироваться мощный новотюркский пласт. Ключевыми элементами речных названий стали су «вода», кум «песок», баш «голова». Есть предположение, что северный рукав Кубани тоже сперва носил имя Карасу «Чёрная вода», или «Черновода», а затем уже – Кумака «Песчаная река», под которым и попал в известный свод географических названий «Книга Большому Чертежу», впервые увидевший свет в 1627 году.

На протяжении XVII столетия, когда на берегах Протоки возводились османские форпосты Копыл (Эски-Копыл) и Ачу (Ачув), река имела сразу два тюркских названия – ногайское Кумли-Кубань «Песчаная Кубань» и татарское Ка-

ра-Кубань «Чёрная Кубань». Причём, первое из них относилось к верхнему и среднему течению северного рукава, а второе – только к нижнему течению. Оба гидронима подчёркивали высокую мутность водного потока, усиленно прокладываявшего себе новую, более короткую дорогу к Азовскому морю.

На турецких картах, относящихся ко времени строительства на нижнем (северо-западном) раздере Кубани крепости Ени-Копыл (1747 год), верхний отрезок северного рукава сопровождается надписью Кара-Гуль «Чёрное озеро». Выдавая водоток за водоём, османские картографы не грешили против истины, ибо в ту пору «Протока представляла сложную систему озеровидных расширений и соединяющих их рукавов». Крупнейший из этих «русловых лиманов» позднее получил фамильное имя – Рудивский.

После переселения в Западное Предкавказье бессарабских кочевников (1771 год), берега северного рукава Кубани заняли Бурлацкое и Маинское поколения Едичкульской орды. И вскоре на смену турецкому названию верхнего и среднего течения реки пришло ногайское – Кумазек «Песчаный проток». Тот же компонент озек с определением терен «глубокий» дал имя левобережному ерику Протоки. Спустя несколько десятилетий, когда водоток пересох, жители разместившегося на его берегах селения Петровского переделали Глубокий проток в Глубокий перевал, а низовье бывшего ерика – в просто Перевал.

Во время русско-турецкой войны 1768-1774 годов появились первые отечественные карты, которые давали довольно чёткое представление о гидрографии кубанской дельты и, в частности, о её главном развязочном узле (нижнем раздере). Так, на карте, составленной по приказу командира Кубанского корпуса И.Ф. Бринка, видно, что Кумли-Кубань (собственно Кубань – Б.Р.) у города Ени-Копыла разделялась на три рукава. Влево, на запад, отходил узкий, шириной 25-30 сажень, рукав, который адыги называли Пшегис (Кубань). Средний рукав, самый многоводный, тёк на север и назывался по-ногайски Кумузюн, а по-татарски – Кара-Кубань. Третьим был ерик, вытекавший в полуверсте выше истока Кумузюна и носивший название Жигран (Казачий).

С переходом Таманского полуострова и Восточного Приазовья под власть России (1784 год)

бдение новой государственной границы и охрана доставшихся от турок укреплений были поручены донским казакам. Поэтому на «Плане крепости Ачучева» появилось уточнение: после подписи «река Кара-Кубань» следовало «или Казачий ерик». Отождествление дельтового рукава со второстепенным водотоком не выглядело бы таким «унизительным», если бы маленькое гирло, отделявшееся от него чуть ниже бывшего османского форпоста и впадавшее в Азовское море, не продолжало именоваться «река Узень».

Разведчик черноморских казаков войсковой есаул М. Гулик, объехавший границы ещё не подаренной Екатериной II земли, дважды переправлялся через северный рукав Кубани – вблизи истока и в самом устье. В его «Ведомости, какого положения Таманская и Кубанская земли», представленной войсковому начальству летом 1792 года, впервые указан гидроним Черный проток. Правда, казачий первопроходец запутался в гидрографии нижнего раздера Кубани и поместил «большую земляную крепость» (Ени-Копыл) не на левом, а на правом берегу Черного протока.

Обосновавшиеся на кубанской земле потомки запорожских казаков не только принесли с собой готовые названия будущих селений, но и существенно подкорректировали здешнюю гидронимию. Так, Чёрный проток превратился сперва в Чёрную протоку, а на исходе XVIII века – и в просто Протоку. Причём, за нижним течением реки в местном обиходе утвердилось имя Проточка, так как, начиная от селения Новонижестеблиевского (Гривенского), водность её сильно уменьшалась и «она была, по крайней мере, на половину уже». В то время много речной воды утекало в прибрежные плавни, а также испарялось с поверхности обширного руслового лимана, который назывался Красногольским.

Не успев появиться на свет, гидроним Протока был призван на службу нарождавшейся славянской топонимии нового территориального приобретения России. Уже в марте 1794 года имя реки получил один из 20 сторожевых постов Черноморской кордонной линии, которая тянулась вдоль правого берега Кубани от устья Лабы до Бугазского лимана. Протоцкий пост был удалён от границы и охранял, по существу, не её, а одну из дорог, соединявших Копыльскую и Андреевскую почтовые станции. Позже рядом с постом появилась батарея, которая тоже стала назы-

ваться Протоцкой.

В начале 30-х годов XIX века, после осуществления мероприятий по укреплению южной границы России, намеченных ещё А.П. Ермоловым, основной рукав Кубани (Кубанка) окончательно заилился и высох. Вместе с ним ушёл в небытие и нижний раздёр. А полноводный 10-километровый отрезок главного русла, соединявший два узла разветвления, нарастил сверху Протоку и принял её название. Вскоре от гидронима отпочковался украинизированный диминутив Протичка, обозначивший правобережную старицу северного рукава Кубани.

В 1840 году в результате сильнейшего нагона воды со стороны Азовского моря закупорились наносами Сладкое и Рубцовское гирла Протоки. К этому же времени совершенно заплыл и её правобережный ерик, ранее «впадавший самостоятельным устьем в море». В довершение ко всему, через 6 лет после стихийного бедствия по требованию откупщика ачуевских рыболовных промыслов А.Л. Посполитакы были забиты сразу 70 левобережных ериков Протоки. В результате объём воды, который протекал по руслу реки на много увеличился. Поэтому «из Протоцки переименовалась она в Протоку» и в нижнем течении.

В 50-х годах XIX века топографами Межевой комиссии Черноморского казачьего войска была впервые выполнена инструментальная съёмка Протоки и её прибрежных полос. Полученные карты позволили разглядеть не только извилины русла, истоки ериков, места пересечений реки с древними барами Азовского моря, но и русловые образования – острова и косы. Однако, сеть ериков, начало которым давала Протока, по-прежнему не была «изображена ни на одной карте даже с приблизительной верностью». Этим, вероятно, и объясняется путаница в их названиях, продолжающаяся до сих пор.

Через полтора года после окончания Кавказской войны на месте нижнего раздёра была водворена одна из пяти новых станиц Кубанского казачьего войска (ККВ). И хотя селение оказалось в объятиях дельтовых рукавов, для него не нашлось подходящего «речного» имени: всё, что было связано с гидронимами Кубань и Протока, уже имело своих носителей. Поэтому новую станицу назвали Славянской – в честь сторожевого поста бывшей Черноморской кордонной линии,

который стоял на месте хутора Тиховского. Но жители окрестных селений ещё долго именовали её по старинке – Копылы.

На рубеже XIX-XX столетий на Протоке начало развиваться судоходство. В связи с этим в станице Славянской открылась контора «Товарищества Дицмана». Однако плавание по северному рукаву столкнулось с ещё большими трудностями, чем по самой Кубани. Фарватер постоянно забивался карчами, а гарантированные глубины (на отрезке Славянская – Ачуев) не превышали трёх футов. В этой ситуации местное население, пополненное выходцами из центральных губерний России, стало воспринимать название Протока как нарицательный термин. А в продаже появились фотографии и открытки с видами реки и подписями «Протока Кубани».

Но во время первой мировой войны пошатнувшийся номинативный статус гидронима Протока был восстановлен. Через станицу Славянскую – центр Таманского отдела ККВ прошла железнодорожная ветка Кущёвка – Крымская, и станцию, расположенную на левом берегу северного рукава Кубани, назвали Протоцкой. Подтверждением того, что в названии был запечатлён гидроним, а не нарицательный термин, служило присвоение имён водотоков (ериков) и двум соседним станциям — Ангелинской и Полтавской.

В годы советской власти гидроним Протока приобрёл на территории дельты не меньшую популярность, чем Кубань. Сельский совет, машинно-тракторная станция, водохозяйственная система и рисоводческий совхоз в Славянском районе, хутора в Калининском и Красноармейском районах, нефтебаза и хлебоприёмный пункт в городе Славянске-на-Кубани – все они стали называться Протоцкими, Протоцными, Протоцскими, демонстрируя не только широкий номинативный диапазон речного имени, но и словообразовательную гибкость русской грамматики.

Во второй половине минувшего столетия родилась идея: прописать гидроним Протока и в полном (официальном) названии Славянска. Её инициаторы исходили из того, что город стоит не на той реке, которая фигурирует в урбониме. Но поборники гидрографической справедливости допускали сразу две ошибки. Во-первых, приставка «на Кубани» изначально указывала не на приречное положение города, а на его адми-

нистративную принадлежность, и после развала Советского Союза утратила своё назначение. Во-вторых, Славянск, в буквальном смысле слова, стоит на Кубани, то есть на заиленном русле и прирусловых валах бывшего основного рукава крупнейшей реки Западного Предкавказья, и его уникальное микроположение точно отражено в полном названии города.

Если память о прошлом Кубани хранит лишь часть урбонима, то Протоке повезло гораздо больше. До наших дней дожил тюркизм Кара-Кубань, заставивший в своё время учёных обратить внимание на иноязычное окружение названия Протока. Только теперь прежний гидроним олицетворяет не 30-километровое побочное русло северного рукава Кубани, а фрагмент его аккумулятивной гряды, который чудом уцелел при строительстве Черноерковской оросительной системы. В начале нового тысячелетия гряда Каракубань подарила своё имя забойской агрофирме, специализирующейся на выращивании риса, и наиболее удалённому («дикому») участку Славянского охотхозяйства.

В конце первого десятилетия XXI века вышли

из печати два издания, имеющие прямое отношение к теме настоящей статьи: Атлас «Плавни Кубани» и монография «Гидрология дельты и устьевое взморье Кубани». И там, и там фигурирует Ачуевский узел разветвления Протоки. Но в пособии для охотников и рыболовов основной водоток, впадающий в Азовское море, называется гирло Казачье, а в научном труде – рукав Правый. Исходя из того, что указанный водоток продолжает направление течения и транспортирует 80 процентов воды Протоки, на него логично было бы распространить и её имя.

Б.Т. Решитько,
действительный член Русского
географического общества, руководитель
комиссии по топонимике Краснодарского
регионального отделения РГО

Партизанские отряды «Смелый» и «Шторм» Славянского района

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны стало одним из самых массовых проявлений патриотизма нашего народа. Плохо вооружённые, не имеющие заранее подготовленных баз, не пригодные, как правило, к военной службе по возрасту или по физическому состоянию, старики, женщины и дети стали грозной силой, с которой были вынуждены считаться захватчики. В тоже время, взаимодействуя с регулярными частями Красной Армии, пользуясь поддержкой населения, отлично зная местность, партизаны достигли значительных успехов и внесли большой вклад в дело освобождения нашей Родины от захватчиков.

Партизанский отряд «Смелый» в горах Абинского района на привале. Январь 1943г.

Всего за годы Великой Отечественной войны в тылу врага были организовано около 6 тысяч партизанских отрядов, в которых сражалось более миллиона партизан. Общее стратегическое руководство партизанским движением осуществляла Ставка Верховного Главнокомандования, непосредственное руководство партизанскими отрядами – Центральный штаб партизанского движения при Ставке, созданный 30 мая 1942 года. Ему подчинялись в оперативном отношении республиканские, краевые и областные штабы партизанского движения, которые также подчинялись военным советам соответствующих фронтов.

На территории Кубани партизанское движение было сформировано летом 1942 года. Под руководством Военного совета Северо-Кавказского фронта 3 августа 1942 года был создан Южный штаб партизанского движения. С первых дней возникновения партизанское движение развивалось под руководством и контролем партийных и советских органов. Через месяц после создания Южного штаба партизанского движения постановлением Краснодарского краевого комитета ВКП(б) для руководства партизанским движением в крае был создан краевой штаб партизанского движения в составе:

первого секретаря краевого комитета ВКП(б) Селзнёва П.И., председателя Краснодарского крайисполкома Тюляева П.Ф., начальника УНКВД по Краснодарскому краю Тимошенко Г.К. и утверждена оперативная дислокация партизанских отрядов по кустам. Были созданы кусты партизанских отрядов: Абинский (Егоров А.А.), Новороссийский (Санин С.Е.), Краснодарский (Поздняк И.И.), Нефтегорский (Хомяков В.И.), Майкопский (Попов М.С.), Армавирский (Кривенко Л.М.), Мостовской и Сочинский – резервные. Славянский партизанский куст под руководством Прохорского М.С. был создан в октябре 1942 года за счёт разукрупнения Новороссийского куста. За каждым кустом закреплялась определённая группа отрядов. На момент создания и распределения в крае числилось 126 партизанских отрядов. Впоследствии дислокация отрядов неоднократно менялась, переорганизовывалась. По уточнённым данным на сентябрь 1942 года на территории Краснодарского края действовало 86 партизанских отрядов.

Понимая всю сложность ведения партизанской войны на безлесной и равнинной территории края в постановлении Краснодарского крайкома ВКП(б) от 27 июля 1942 года говорится: «...2. В районах

Комиссар отряда «Смелый», первый секретарь Славянского районного комитета ВКП(б) Кулик Сергей Трофимович

степной полосы края партизанские отряды в кусты не сводить, предоставив им право развернуть боевую деятельность самостоятельно, а в случае необходимости – отойти в лесогорную полосу и объединиться с близлежащими партизанскими отрядами кустов...».

42 отряда находились в тылу противника и по месту своего расположения вели боевые действия, 44 партизанских отряда базировались на передовой линии обороны фронта или в тылу Красной Армии. Эти отряды вели оборонительные бои вместе с частями Красной Армии, а также разведывательные и диверсионные боевые действия в тылу противника.

В Славянский партизанский куст входило пять отрядов: «Бойкий» Красноармейского района, «Боевой» Ивановского района, «Кубань» Кагановичского района (современный Калининский), «Смелый» Славянского района, «Шторм» Черноерковского района (Черноерковский район образован в 1934 году, упразднён в 1953 году, его территория вошла в состав Славянского района).

При изучении различных источников и литературы стояла задача найти как можно больше сведений, которые непосредственно касались партизанских отрядов Славянского партизанского куста, и, в особенности, партизанских отрядов «Смелый» и «Шторм», организованных во время оккупации Славянского и Черноерковского районов.

Бытовало мнение, что партизаны Кубани просто отсиделись за спинами бойцов Красной Армии. Но это не так. И многие из наших земляков, не желая мириться с оккупацией, нашли в себе мужество и волю оказать достойное сопротивление и ушли в

партизаны. Никто не знал, что ждёт его и его товарищей, что будет с семьями, которые оставались на территории, оккупированной врагами.

К сожалению, автору не удалось найти ни одного из непосредственных участников тех событий. В тоже время, было много встреч с людьми, которые жили и работали рядом с партизанами в послевоенное мирное время, а также родственниками партизан, детьми и внуками. Информация поступала противоречивая, иногда – негативная, поэтому, изучая источники и литературу по партизанскому движению на Кубани, общаясь с людьми, автор попытался подойти к данному вопросу максимально объективно и последовательно, используя конкретные факты и документы.

Большинство документов хранятся в архивах Управления ФСБ России по Краснодарскому краю и Центре документации новейшей истории Краснодарского края и до настоящего времени находятся под грифом «секретно», ко многим документам доступ ограничен. Рассекреченные документы, хранящиеся в архивах, в настоящее время опубликованы в нескольких изданиях: «Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945» (Рассекреченные документы. Хроника событий); «Партизаны Кубани» (по материалам архивов УФСБ России по Краснодарскому краю и Центра документации новейшей истории Краснодарского края). На страницах этих книг подана хроника событий, происходивших на оккупированной территории нашего

Командир отряда «Смелый», начальник Славянского районного отдела НКВД Парфентьев Алексей Иванович

Встреча партизан отряда «Шторм» в ст. Петровской, 7-8 августа 1977 г.

края в период с июля 1942 года по октябрь 1943 года, документальные свидетельства о выявленных злодеяниях и причинённом ущербе за время оккупации. Опубликованные документы относятся непосредственно к организации и боевым действиям партизан в тылу противника и на линии фронта, а также к участию партизанских подразделений в освободительных боях совместно с регулярными воинскими подразделениями.

При изучении данного вопроса были просмотрены и изучены статьи, написанные партизанами, руководителями партизанских отрядов и опубликованные в газетах: «Колхозный путь» и «Заря Кубани» Славянского района, «Восход» Абинского района, «Голос правды» Красноармейского района.

Большой интерес представляют воспоминания, письма, фотографии самих партизан, хранящиеся в семейных архивах их детей и внуков.

18 июля 1941 года ЦК ВКП(б) принял специальное постановление «Об организации борьбы в тылу вражеских войск», где говорилось о поддержании порядка в прифронтовых районах и тылу и создании истребительных батальонов для борьбы с диверсантами и парашютным десантом. В конце июля в каждом районе края были созданы истребительные батальоны. Славянский истребительный батальон состоял из двух рот, пулемётно-миномётного

взвода и кавалерийского эскадрона. Командиром батальона назначили Парфентьева Алексея Ивановича. Одной из самых важных задач Славянского истребительного батальона была охрана мостов и паромных переправ в районе станиц: Славянская – через реку Протока, Троицкая – через реку Кубань и Фёдоровская – через реку Кубань. В июне 1942 года совместными действиями бойцов Славянского и Черноерковского истребительных батальонов в плавнях был пойман сбитый нашими зенитчиками немецкий лётчик и передан Кубанской кавалерийской дивизии, базировавшийся в районе станицы Тимашевской.

В районах, которым угрожала оккупация, велась работа по созданию подпольных ячеек для борьбы в тылу врага, готовилось всё необходимое для формирования партизанских отрядов. Организация подпольных ячеек и партизанских отрядов была возложена на партийные органы. Персональная ответственность была возложена на секретарей горкомов и райкомов ВКП(б) и начальников горрайотделов НКВД. Партизанские отряды «Смелый» и «Шторм» были созданы на базе истребительных батальонов. Отряд «Смелый» организован решением Бюро Славянского районного комитета ВКП(б) от 8 июля 1942 года. Командиром отряда назначен начальник Славянского районного отдела НКВД

Командир отряда «Шторм»
Петренко Владимир Васильевич.
Фото 1948 г.

Парфентьев Алексей Иванович, комиссаром – первый секретарь Славянского районного комитета ВКП(б) Кулик Сергей Трофимович. Отряд «Шторм» организован решением Черноерковского районного комитета ВКП(б) в конце июля 1942 года. Командиром отряда назначен начальник Черноерковского районного отдела НКВД Петренко Владимир Иванович, комиссаром – первый секретарь Черноерковского районного комитета ВКП(б) Ерошенко Георгий Тимофеевич. Составлены списки бойцов партизанских отрядов, костяк отрядов состоял из партийных и административно-хозяйственных работников районов и сотрудников НКВД. Но большую часть партизан в каждом отряде составляли рабочие, колхозники, учителя, врачи и учащаяся молодежь. Многие партизаны по причине своего физического состояния или возраста ранее не подлежали призыву в действующую армию. Вооружены партизанские отряды были из резерва оружия истребительного батальона.

Подготовительная работа по созданию партизанских отрядов была проведена ещё осенью 1941 года, когда немецкие войска заняли Ростовскую область и создали угрозу вторжения на Кубань. Но более активная подготовительная работа по организации партизанского движения продолжилась летом 1942 года в связи с непосредственной угрозой вторжения немецких войск на Кубань. Основной задачей подготовительной работы была своевременная и конспиративная закладка продовольственной базы

в предполагаемом месте оперативного базирования, а также создание и организация подпольных ячеек в населённых пунктах районов. Согласно заранее составленным спискам предполагалось, что в отрядах будет более ста человек. Соответственно численности партизан в отрядах были отведены места базирования для дальнейшей партизанской деятельности. Основное место базирования для партизанского отряда «Смелый» было определено в районе горы Липовая южнее станиц Шапсутская и Эриванская, а партизанскому отряду «Шторм» – южнее посёлка Новый Абинского района. Этот район был также основным местом базирования партизанских отрядов Абинского, Брюховецкого, Тимашевского, Ивановского, Красноармейского и Кагановичского районов.

Организованный отход партизанских отрядов на места дислокации начался 9 августа за несколько часов до вторжения немецких передовых частей. Отход отрядов прикрывали истребительные батальоны. Несколько раз передовые части немцев на бронетранспортёрах пытались настичь отход партизанских отрядов и, навязав бой, разгромить. Но партизаны совместно с истребительным батальоном сумели отразить вражеские атаки и в полном составе выйти к месту будущего базирования.

По сложившейся линии обороны на Кубани к началу сентября 1942 года, многие партизанские отряды оказались в тылу войск Красной Армии. На не занятой немцами территории оказались и партизанские отряды «Смелый» и «Шторм».

С первых дней по прибытию на место дислокации в отрядах были проведены общеотрядные собрания, на которых были поставлены боевые задачи по дальнейшим действиям, определены обязанности каждого бойца в отряде, торжественно принята «Клятва Партизана».

Боевым крещением для отрядов стали ожесточённые и неравные бои с превосходящими силами противника 31 августа 1942 года в Ахтырском ущелье. Передовые немецкие войска, продолжая наступление по дороге вдоль реки Ахтырь, сделали попытку прорвать оборону наших войск и выйти к Чёрному морю в районе города Геленджик. В то время регулярных советских воинских подразделений на данном направлении не было. Но наступательный порыв немецких войск сорвали партизанские отряды «Тихий» Абинского района, «Буря» посёлка Ахтырский Абинского района, «Смелый» Славянского района, «Шторм» Черноерковского района, «Шустрый» Брюховецкого района, «Бойкий» Красноармейского района, занявшие господствующие высоты и в ожесточённой схватке сумевшие отбить все атаки немецких войск. Враг понёс большие потери в живой силе, оставив на поле боя десятки

своих солдат, отступил в район станицы Холмская. Ещё несколько раз немецкие войска, при поддержке авиации и танков, пытались прорвать оборону партизан в направлении станицы Эриванской, но были вынуждены отступить, неся большие потери. Партизанские отряды, успешно отразив все атаки врагов, вынудили его вернуться назад и перейти к обороне. А в начале сентября на передовую линию обороны прибыли регулярные войска Красной Армии, которые по всему фронту заняли прочную линию обороны, вынудив врага перейти к позиционной войне.

В середине сентября 1942 года состоялось совещание командиров партизанских отрядов, находящихся на не оккупированной территории, где была поставлена главная задача: «... о немедленном выходе в тыл противника тех отрядов, которые находились на не занятой немцами территории». Переход отрядов в тыл противника должен был состояться в октябре. Но, по ряду объективных и субъективных причин, переход партизанских отрядов к назначенному сроку в тыл противника так и не состоялся.

Тем не менее, партизанские отряды не бездействовали, а развернули активную боевую деятельность в тылах противника. Небольшие, но мобильные группы добровольцев-разведчиков десятки раз переходили линию фронта и доставляли в армейские и партизанские штабы собранную ими разведывательную информацию. В задачи разведгрупп входило: разведка переднего края обороны противника, огневых точек и оборонительных сооружений, обнаружение стыков между подразделениями противника, поиск проходов через линию фронта, а также разведка ближнего и глубокого тыла противника. Были созданы диверсионные и снайперские группы, которые уничтожили сотни вражеских солдат и офицеров, провели в тылу противника десятки диверсионных вылазок. Небольшие мобильные группы, созданные из партизан отрядов «Смелый», «Шторм», «Бойкий», «Боевой», «Тихий», совместными силами нападали и громили вражеские гарнизоны, взрывали мосты, пускали под откос поезда, минировали дороги, повреждали линии связи, уничтожали полицейских и предателей, наносили ощутимый урон врагу, как в живой силе, так и в технике.

Десятки партизан, как поодиночке, так и группами ушли за линию фронта для налаживания агентурной разведки и установления связи с подпольем в глубоком тылу противника. 72 дня находилась на боевом задании в тылу противника группа разведчиков отряда «Смелый» под командованием Фёдора Леонтьевича Ковалёва. Собранные ею разведданные были преданы в штаб 47-й Армии для

использования в подготовке наступления.

Контрразведками отрядов были выявлены и задержаны десятки провокаторов, диверсантов, предателей, засылаемых в расположение партизан которых передавали в особые отделы воинских частей.

Все партизаны, которые не участвовали в разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника, занимались охраной и хозяйственным обеспечением партизанских баз, выносили раненных с переднего края обороны в тыл, из-за невозможности доставить транспортом через горы на себе подносили на передовую снаряды и мины.

К концу 1942 года по всему фронту с обеих сторон установилось затишье. Красная Армия готовилась к наступлению, немецкие войска усиленно укрепляли свою линию фронта. В декабре 1942 – январе 1943 годов партизанские отряды «Смелый» и «Шторм», совместно с другими отрядами Славянского партизанского куста, небольшими мобильными группами провели десятки разведывательно-диверсионных вылазок в ближний и дальний тылы противника в районе Северская – Ахтырская – Абинская. Добытые разведкой сведения использовались при разработке предстоящих наступательных операций Красной Армии.

В конце января 1943 года Красная Армия по всему фронту развернула наступление по освобождению Кубани от захватчиков. Партизанские отряды совместно с частями Красной Армии храбро сражались за освобождение своих станиц и хуторов. В передовых рядах атакующих партизанские отряды «Смелый», «Шторм», «Бойкий», «Буря» освобождали станицы Старо-Джерелиевскую, Петровскую, Черноерковскую, Славянскую. А диверсионные группы партизан, находясь в тылу врага, минировали мосты, дороги, переправы, внося дезорганизацию и панику в отступавшие войска противника.

После освобождения Славянского и Черноерковского районов партизанские отряды «Смелый» и «Шторм» были расформированы. Бывшие партизаны с первых дней включились в работу по восстановлению разрушенного оккупантами народного хозяйства и налаживанию мирной жизни. Десятки партизан были призваны или ушли добровольцами в ряды Красной Армии и продолжали сражаться с ненавистным врагом на фронтах Великой Отечественной войны.

Б.Д. Фуфалько,
историк-краевед

Список использованных источников и литературы

1. Без грифа «секретно». Из истории органов безопасности на Кубани: очерки, статьи, документальные повести / Управление ФСБ России по Краснодарскому краю. – Краснодар: Диапазон-В, 2008. – 664 с.: ил.
2. История Кубани: учебное пособие / под общей редакцией В.В. Касьянова. – Краснодар: Периодика Кубани, 2009. – 336 с.
3. Кубанская ЧК: Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях / сост.: Н.Т. Пачишкин, В.В. Гусев, Н.В. Сидоренко; под общей редакцией Е.Л. Воронцова. – Краснодар: Советская Кубань, 1997. – 672 с.: ил.
4. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: в 2-х кн. Кн. 1.: Хроника событий. 1941 – 1942 гг. / Управление по делам архивов Краснодарского края; Управление Федеральной службы безопасности России по Краснодарскому краю; Центр документации новейшей истории Краснодарского края; Государственный Архив Краснодарского края; сост. А.М. Беляева, И.Ю. Бондарь. – 3-е изд. – Краснодар: Диапазон-В, 2011. – 816 с. – (История без мифов).
5. Кулик С.Т. Краткий очерк-воспоминание о боевых действиях партизанского отряда «Смелый» Славянского района Краснодарского края в период временной оккупации гитлеровскими войсками районов Кубани [Рукопись, личная собственность автора статьи]. – Целиноград, 1979. – 13 л.
Примечание: сшитые листы машинописного текста. На последнем листе текст: «Бывший первый секретарь Славянского райкома ВКП(б), первоначально комиссар, затем командир партизанского отряда «Смелый» Сергей Трофимович Кулик» с собственноручной подписью.
6. Партизаны Кубани. По материалам архивов УФСБ России по Краснодарскому краю и Центра документации новейшей истории Краснодарского края / Администрация Краснодарского края. – Краснодар: Диапазон-В, 2012. – 160 с.
7. Парфентьев А.И. Список партизан Славянского партизанского отряда «Смелый» – входящих в Славянский куст партизанских отрядов в период Великой Отечественной войны и оккупации Кубани 1942 – 1943 гг.: приложение к письму председателю оргбюро партизанского отряда «Смелый» Романенко К.Я. и члену оргбюро Шельдяеву И.Н. [Рукопись, личная собственность автора статьи]. – [Б. м.], 19.09.1973. – 24 л.
Примечание: сшитые разнолинованные листы с рукописным текстом. Приводятся сведения: ФИО; Дата вступления в отряд; Занимаемая должность в отряде; Краткие биографические данные и домашний адрес; Примечание и др. На последнем листе текст: «Бывший первый командир партизанского отряда «Смелый» Парфентьев Алексей Иванович» с собственноручной подписью. Списки составлены в период проживания А.И. Парфентьева в г. Ейске.
8. Петренко В.И. История организации и боевые действия партизанского отряда «Шторм» Черноерковского района Краснодарского края [Рукопись, хранится в семейном архиве дочери автора Клочковой (Петренко) Т.В.]. – Краснодар, 1973. – 30 л.

«Эта вечная боль...»

(из воспоминаний о Ханьковском концентрационном лагере
(сентябрь 1942 г. – март 1943 г.))

Братская могила павших воинов в х. Ханьков. Наши дни.

Эхо прошедшей войны еще не раз отзовется траурным набатом в нашей памяти, еще долго пожелтевшие страницы тех лет будут рассказывать нам о пережитых испытаниях и героизме наших земляков – воинов, хлеборобов, механизаторов, учителей.

В х. Ханьков Анастасиевского сельского поселения у братской могилы советских воинов, павших в боях за освобождение Славянского района, стоит маленький металлический крест с уже выгоревшей надписью «Узникам, жертвам фашистского концлагеря в х. Ханьков. 1942 – 1943 г. Помним!». Крест установлен на месте сельского клуба, который в долгие месяцы фашистской оккупации стал концентрационным лагерем для пленных советских воинов и жителей близлежащих хуторов и станиц.

Клуб на триста мест был построен хлеборобами колхоза «Красный курган» в далеком 1937 году и стал центром культурной жизни хутора,

никогда не испытывавшего недостатка в гармонистах, певцах и танцорах. Все изменила война.

Воспоминания жителей Анастасиевского сельского поселения о Ханьковском лагере для военнопленных до сих пор хранятся в Славянском городском отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Вот что рассказали нам несколько тетрадных листков, заполненных ровным, убористым почерком, о событиях 1942 – 1943 гг.

Из воспоминаний жителя х. Прикубанец Степана Тимофеевича Литовки

«Сам лагерь находился в х. Ханьков, центром его являлся нынешний клуб. В са-мом помещении были сделаны многоярусные нары. Кругом здания клуба были еще многочисленные пристройки, в которых также были многоярусные нары. Все это с большой свободной территорией земли было огорожено колючей проволокой. Здесь и находились советские военнопленные,

а также все граждане мужского пола – все, кого фашисты могли забрать для каторжной работы и угона в Германию. В конце 1942 г. я и многие другие мужчины х. Прикубанец были забраны гитлеровцами и размещены в концентрационном лагере х. Ханьков. Здесь нас поделили по группам, а потом каждое утро на целый день гоняли на изнурительные работы. Наша, например, группа гонялась носить снаряды со станицы ст. Славянской в ст. Анастасиевскую; другие группы гонялись для ремонта центральной дороги Славянская – Темрюк и т.д. Каждую ночь немцы расстреливали за зданием клуба множество узников: сначала больных, изнуренных, раненных предметами на работе, а затем и тех, кто провинился. При работе и в движении в дороге немцы расстреливать воздерживались, разве только за побег или же другое преступление. Но резиновой дубинкой били крепко, почти до полусмерти, а в лагере могут и расстрелять, что в большинстве и делали. Могилы росли, в основном там, где сейчас располагается тракторный парк и в направлении кургана. Это что я видел, когда нас вели колонной.

На работу нас подбирали только здоровых, а всех других оставляли на месте, которых потом мы уже не видели, т.к. их расстреливали.

В феврале 1943 г. я во время переноса снарядов со ст. Славянской до ст. Анастасиевской сделал удачный побег. Остальные были угнаны в Германию, часть – умерли от болезни в дороге, а также расстреляны.

Наши с х. Прикубанец были следующие тов.:

Пронько Анатолий Иванович
Филоненко Поликарп
Тихоненко Иван Иванович
Коваленко Павел
Мазур Василий Иванович
Крыса Иван Федорович
Ждан Иван Алексеевич
Залесский Иван Гаврилович и т.д.

Из них в живых остался только Пронько Анатолий Иванович, который проживает в х. Прикубанец Анастасиевского сельского совета». 23.12.1988 г.

Из воспоминаний Савчук Раисы Герасимовны

«Да, это было в 1943 году. Страшно вспоминать. Пришла беда и на нашу территорию. Фашисты оккупировали наш район и наши хутора: Прикубанец, Ханьков, Коржевский, Свистельников и др. Сразу же при оккупации начались репрессии, расстрелы, насилие и грабежи. Громили все подряд.

В Ханьковский клуб пригнали 4000 пленных

и набили в разбитый клуб. Клуб был без окон, без дверей, без полов. На полу была гнилая, перетертая солома на которой сидели, лежали и стояли (кто, как мог) пленные. Облетела весть о пленных по всем хуторам. Женщины собирались группами и несли им пищу в своих узелках. В одной из таких групп была и я.

Когда мы принесли к клубу свои узелки, пленных не было. Один из охранников объяснил, что они пошли по снаряды в Славянскую. В здании остались только больные, которые уже ходить не могли. Мы попросились раздать им продукты. Фашист разрешил (он знал русский язык). Когда мы зашли, то увидели страшную картину: погибали молодые ребята лет 20 – 22. Их было человек 20. Я подошла к первому лежащему солдату и предложила пищу, он отказался, сказал: «Мне уже бесполезно, отдай тем, кто хоть немного передвигается».

После того, как мы раздали продукты и решили идти домой, увидели, что 4 фашиста гонят на горку группу солдат. Мы стали идти по бурьянам за ними. Нас интересовало, куда же их гонят? Пригнали к выкопанной яме. Построили в шеренгу и заставили петь Интернационал. Солдаты были разных национальностей. Между ними были и русские. Один из фашистов заставил солдат петь. Они начали петь. Пели громко. В этот момент мы пересчитали, их было 27 человек.

Застрочили автоматы, их тела начали падать в яму. Мы испугались и поползли по высоким бурьянам. Скрылись. Нам бы было тоже, если бы они нас увидели.

Так фашисты расстреливали каждый день. Есть живые женщины, которых немцы заставляли хоронить умерших с голода и расстрелянных наших пленных за глухой стеной этого клуба. Их там лежали тысячи. Клуб – это памятник нашим молодым воинам, которые по несчастью попали в плен к фашистам. Они перенесли большие невзгоды: голод, холод, болезнь, расстрелы и другие зверства.

Больше писать нет сил...»

Без даты.

После окончания войны ожил и хуторской клуб – в изрешеченных пулями стенах снова заиграла музыка. Но в сложные реформенные 90-е годы здание пришло в упадок и было разобрано до основания.

А.К. Андреев

«КраеНЕведение»

«Краеведение – изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо территории («края») или объекта – от крупного региона до отдельного города, села, предприятия, усадьбы, улицы, дома – главным образом, силами местного населения» – так определяет понятие «краеведение» Большая Российская энциклопедия.

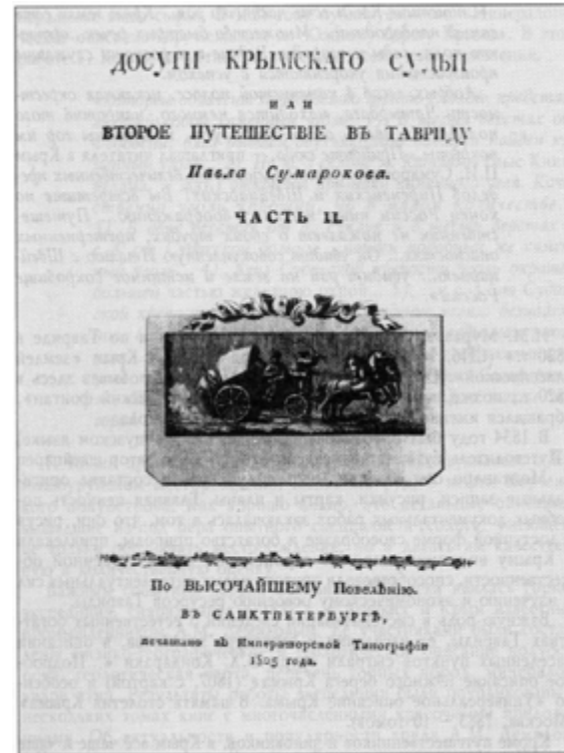
Как научное знание краеведение появилось во второй половине XVIII века – как раз в то время, когда русские открыли для себя terra incognita Кубань. Одним из первых описаний наших мест явилась «Экспликация на кубанскую степь», составленная по указанию командира Кубанского корпуса генерал-лейтенанта Е.А. Щербинина летом 1774 года, за месяц до окончания шестилетней войны между Россией и Турцией. В «Экспликации», в частности, сообщалось: «...город Копыл (Ени-Копыл – Б.Р.)... стоит на берегу между рек Пшетисой и Кумузюной, выходящих из реки Кубани. Построен на ровном месте, ... которое называют татары Мунтана».

В описании бросается в глаза то, что из Кубани берут начало сразу две реки. На самом деле, Пшетиса (Пшегиса) – это продолжение основного русла Кубани, превратившееся через несколько десятилетий в речку Старую Кубань (Кубанку), а Кумузюна (Кумазек) – теперешняя Протока. Такая путаница в гидрографии и гидронимии характерна для карт и историко-географических описаний последней четверти XVIII – первой половины XIX веков.

Подтверждением сказанного служит запись в «Ведомости, какового положения Таманская и Кубанская земли», составленной разведчиком черноморских казаков войсковым есаулом М. Гуликом весной 1792 года, ещё до того, как императрицей Екатериной II была подписана историческая жалованная грамота: «Там, где Кубань делится на два рукава, между Чёрным протоком и Казачьим ериком, – большая земляная крепость Копыл».

Конечно же, первопроходец имел в виду не Эски-Копыл, хотя указывал именно его местоположение. Старый турецкий форпост был разрушен донскими казаками и их союзниками калмыками ещё 1737 году, а то небольшое, что от него осталось, через 40 лет пошло на постройку русской крепости Благовещенской. М. Гулик мог писать только о Ени-Копыле, который, как известно, располагался на мысу (в кутке), образованном Кубанью и Чёрным протоком.

Через 3 года после переселения на Кубань черноморских казаков к ним в «гости» приезжал судья

П. Сумароков. Это был повторный визит высокопоставленного чиновника на новую родину потомков запорожцев. Свои впечатления от поездки он опубликовал в книге «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду», вышедшей в 1805 году в Петербурге. Мудрёный заголовок издания подчёркивал необычный способ препровождения свободного времени стража закона и вселял уверенность в правдивости сообщаемых им сведений.

П. Сумароков пишет: «Береговые места (реки Кубани – Б.Р.), покрытые лесами называются плавнями... В тех плавнях водятся из зверей: олени, дикие козы, кабаны, барсуки и волки; из птиц же: фазаны, лебеди, бабы, или пеликаны, дрохвы, стрепеты и журавли». Возможно, кто-то по ошибке и называл пойменные леса плавнями, но чтобы звери и птицы (даже непуганые!) жили такими сообществами, – это уже чистейший вымысел. Как барсук мог вырыть нору в плавне, а «дрохва» – свить гнездо на дереве?

Летом 1811 года через Копыльскую почтовую станцию проследовала научная экспедиция, организованная Тартуским университетом и руководи-

мая М. Энгельгардтом и Ф. Парротом. На нижнем раздере Кубани участники сделали очередную, шестую, исследовательскую станцию. Здесь они описали гидрографию, впервые назвав северный рукав Протокой, взяли пробы грунта и воды, замерили глубину колодцев. Однако при определении высоты местности их барометр показал завышенный результат – 10,6 туаза (20,6 метра – Б.Р.).

Об этой экспедиции в сборнике «Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии» рассказал известный кавказовед профессор МГУ Н.А. Гвоздецкий. Но, называя Ф. Паррота профессором, автор статьи перепутал сына с отцом. Фридрих был всего лишь студентом 4-го курса медицинского факультета, а его отец Георг Паррот являлся ректором университета и известным учёным. Тем не менее, сын оправдал «присвоенное» ему авансом звание и в 1829 году, уже будучи профессором медицины, организовал новую экспедицию на Кавказ, во время которой прошёл вдоль Черноморской кордонной линии и поднялся на гору Арарат.

Первым краеведом из «местного населения» принято считать генерала И.Д. Попко, автора книги «Черноморцы в их гражданском и военном быту», выпущенной в 1858 году в столице и удостоенной престижнейшей премии Петербургской Академии наук. Но вот до чего додумался этот лауреат: «На перерезанном Протокой низменном поперечнике между Кубанью и Азовским морем, где ныне раскинулось одно задвинутое камышом и необнимаемое глазом болото, кипел когда-то огромный гидравлический труд... над этой водной сетью работали тысячи пленников, уводимых крымцами из погромов Руси и Польши... В настоящее время не только восстановить развалины этой сложной канализации, но даже отыскать в них системы и смысла стоило бы нелёгких трудов».

В период беспрецедентного по масштабам строительства рисовых систем на «низменном поперечнике» (в междуречье Кубани и Протоки) были проложены сотни километров осушительных, оросительных и сбросных каналов, спланированы десятки тысяч гектаров чеков, но никаких признаков «сложной канализации» обнаружить так и не удалось. Впрочем, этот и другие аналогичные вымыслы «почтенного историка» развеял ещё Ф.А. Щербина.

Не был обделён почётом, славой, наградами и второй краевед из «местных» – генерал П.П. Короленко. Хранитель архива Кубанского казачьего войска, имевший доступ к картам Межевой комиссии, знавший о существовании работы Н.Я. Данилевского «Исследования о Кубанской дельте» он рас-

полагал всеми возможностями, чтобы писать правду и только правду. Но чем же объяснить ошибки, которыми изобилует его книга «Черноморцы»? «За 20 вёрст (точнее, за 10 – Б.Р.) выше Копыла... Кубань взяла направление влево под названием Каракубань, а вправо пошла речка Кубанка (в действительности, Протока – Б.Р.). Каракубань протекла десятки вёрст в земле черкесов и соединилась с Кубанкой верстах в десяти ниже (? – Б.Р.) Курки».

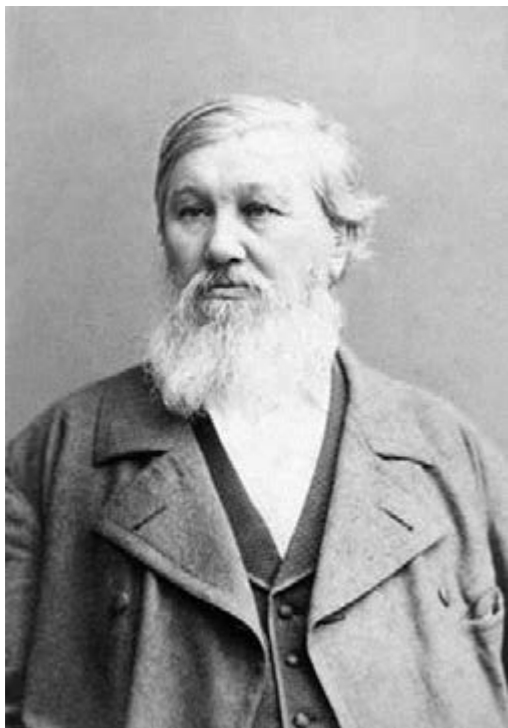
Историк Ф.А.Щербина

Из-за последней ошибки длина Каракубанского острова, расположенного между Каракубанью и Кубанкой, увеличилась в 2,5 раза (с 30 до 76 вёрст), а его площадь – без малого в 4 раза. На самом деле, Кубанка не могла соединиться с Кубанью ниже истока речки Курки, так как в этом случае ей пришлось бы пересечь и саму Курку и восточную оконечность Темрюкско-Курчанской гряды (Андреевской горы).

Даже приведённых ошибок и вымыслов достаточно для того, чтобы сделать вывод: ООО «ИД «Вече», выпустившее в 2008 году под одной обложкой книги И.Д. Попко «Черноморцы в их гражданском и военном быту» и П.П. Короленко «Черноморцы», допустило большую оплошность, не снабдив их научными комментариями географов и историков. Ведь ляпсусы знаменитых предков могут принять на веру незадачливые потомки.

Упомянутая выше работа Н.Я. Данилевского «Исследования о Кубанской дельте» была напечатана во втором томе «Записок Императорского Русского географического общества по общей географии» в 1869 году. Она являлась научным отчётом о работе экспедиции, занимавшейся изучением рыболовства в Чёрном и Азовском морях. К сожалению, нынешние кубанские географы и краеведы

плохо знакомы с работой выдающегося учёного-энциклопедиста. Они, как правило, путают инициалы автора, не знают точного названия его монографии, а год её выхода из печати связывают со временем проведения экспедиции.

Историк Н.Я. Данилевский

Напомнить о Н.Я. Данилевском решил альманах «Родная Кубань». В № 2 за 2011 год были напечатаны крупные фрагменты его «Исследований». Но редакция журнала использовала не первоисточник, а публикацию в газете «Кубанские областные ведомости» за 1891 год. В результате текст монографии оказался перекроенным, а некоторые географические названия дельты – искажёнными (лиман Чугургольский, гирло Барилкого) или «подкорректированными» (коса Поповичская, лиманы Крапивные).

С 1874 года в Екатеринодаре начала выходить «Памятная книжка Кубанской области», переименованная сначала в «Кубанскую памятную книжку», а затем – в «Кубанский календарь», который издавался до 1916 года. В выпусках приводились календарные и справочные сведения, давались статистические обзоры, печатались исследовательские материалы и краеведческие статьи – преимущественно природоведческого и исторического содержания.

Едва ли не в каждом выпуске сборника публиковались данные о станице Славянской и других населённых пунктах теперешнего Славянского района. Так, уже в «Памятной книжке» на 1874 год указывалось: «Ст. Славянская (1865 г.) – р. Протока

– 2183 жит.; ст. Анастасиевская (1866 г.) – ер. Давыдовка – 1697 жит.; ст. Петровская (1822 г.) – ер. Сухобрусов – 4443 жит.; пос. Черноерковский (1865 г.) – ер. Черный – 379 жит.»

Но сведения, приводимые «Книжкой», противоречили тем, которые сообщали другие источники. Станицы Славянская и Анастасиевская были водворены одновременно приказом военного министра от 23 декабря 1865 года. Население станицы Петровской, по данным «Сборника сведений о Кавказе», составляло в 1873 году 5638 человек. А ерик, на котором стоял посёлок Черноерковский, на карте конца XIX века назван Большим Перевалом.

Настоящим прорывом в познании родного края явился выход в 1910 и 1913 годах двух томов «Истории Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины. Подготовленная по рекомендации наказного атамана Я.Д. Маламы и военного ведомства книга не стала, как можно было ожидать, панегириком служилому сословию. В ней детально описаны природные условия и многовековая история народов, населявших одно из самых молодых территориальных приобретений Российской империи. Особое внимание в книге уделено непростым взаимоотношениям аборигенов Кавказа и потомков запорожских казаков.

Многие станицы «Истории» посвящены той части Кубанской области, которую занимает нынешний Славянский район. И это не случайно. По ней проходил кратчайший путь из Центрального Предкавказья в Крым. На этой территории располагались турецкие форпосты Ени-Копыл и Ачу. Вдоль неё пролегал самый горячий отрезок границы, разделявшей земли адыгов и казаков. Здесь находились богатейшие рыболовные угодья, которые прославили Черноморию на всю Россию.

Книге Ф.А. Щербины была уготована трудная судьба. За столетие, прошедшее со дня выхода в свет, она пролежала большую часть времени невостребованной в специальных фондах библиотек. Поэтому появление репринтного издания «Истории Кубанского казачьего войска» в 1992 году явилось долгожданным подарком для всех местных краеведов. Но тут же обнаружилось и её серьёзные недостатки: плохая печать, старая орфография, отсутствие именного указателя и указателя географических названий.

Во времена, последовавшие после революции и гражданской войны на Кубани, краеведение превратилось в непрестижное и даже опасное занятие. В 20 – 30-е годы уже не выходили прежние периодические издания природоведческой и исторической

направленности, прекратило свою деятельность Общество любителей изучения Кубанской области. А после резонансного «дела краеведов» Центрального Черноземья дошла очередь и до их северокавказских коллег: были репрессированы профессора Краснодарского педагогического института – географ Г.Г. Григор и историк М.В. Клочков.

Возрождение кубанского краеведения началось только после Великой Отечественной войны. В первой половине 50-х годов двумя изданиями вышла книга директора историко-краеведческого музея Ф.В. Навозовой «Краснодарский край». Это было комплексное описание природы, истории и хозяйства Кубани. Во втором издании книги, в частности, сообщалось: «Благовещенская крепость (Азово-Моздокской кардонной линии – Б.Р.) построена на реке Протоке, на месте нынешней станицы Славянской».

А через несколько лет была издана первая учебная физическая карта Краснодарского края, на которой, помимо прочего, нашлось место и для исторических памятников. В легенде к карте утверждалось, что в станице Славянской сохранился дом, где зимой 1778 года останавливался строитель кордонной линии генерал-поручик А.В. Суворов. Правда, адрес дома не указывался: редактор карты, видимо, полагал, что его, при случае, может назвать любой станичник.

В начале 60-х годов развернулась подготовка к празднованию 100-летия города Славянска-на-Кубани. Благодаря стараниям местных краеведов, чёткой работе межбиблиотечного абонемента, сво-

бодному доступу к архивным фондам и музейным экспонатам удалось проникнуть в тайны истории малой родины. И тут выяснилось: Благовещенская крепость располагалась там, где стоит дворец культуры бывшего колхоза имени Мичурина, в хуторе Трудобеликовском; что никакого дома Суворова в Славянской никогда не было и быть не могло, так как полководец уехал с Кубани за 87 лет до водворения станицы.

Разумеется, ни директора музея, ни редактора карты причислять к обманщикам нельзя. Оба они поверили информации, которая оказалась неточной. Но бывают случаи, когда люди, пользуясь своим положением, сознательно врут. Вот пример: старший литературный сотрудник газеты «Советская Кубань» В. Филимонов написал о том, что при спокойной воде на дне Протоки можно увидеть развалины вольнолюбивой генуэзской фактории Копы. Другой пример: корреспондент «Зари Кубани» объясняет появление луж у городского магазина «Детский мир» тем, что их дно лежит ниже уровня Азовского моря.

При советской власти существовала традиция: посвящать книги юбилеям страны, союзных республик, краёв, областей, городов и районных центров. К 50-летию революции 1917 года было издано 22-томное Географическое описание «Советский Союз». Материал о Краснодарском крае вошёл в том «Российская Федерация. Европейский Юго-Восток».

Вот отрывок из главы «Приазовье»: «В низовьях Кубани, на территории её дельты и в примыкающих к ней частях... поселения не тяготеют к воде. Наоборот, из-за обилия плавней, подтопляемых и затопляемых участков они располагаются на относительно высоких участках, вдали от русел рек, за прирусловыми валами. Так, город Славянск-на-Кубани, крупные станицы – Красноармейская, Петровская, Ивановская и другие – выросли на так называемых реликтовых островах, не боящихся подтопления».

Создаётся впечатление, что авторы статьи не имеют понятия о дельтовом рельефе вообще и о таких его формах, как прирусловые валы, – в частности. Между тем, эти аккумулятивные образования (по местному, гряды, или гривы) как раз и являются «относительно высокими участками», точнее, полосами, за которыми располагаются депрессии (понижения), где всё подтопляется и затопляется.

Неуместными оказались и примеры населённых пунктов, приведённых авторами для обоснования своих доводов. Город Славянск-на-Кубани,

станции Петровская, Анастасиевская, Черноерковская и ещё 39 хуторов и посёлков Славянского района расположены именно на прирусловых валах действующих и грядах отмерших водотоков. То же самое имеет место и в соседнем, Красноармейском, районе, где лишь станции Ивановская и Новомышастовская лежат за пределами древней дельты Кубани.

Что же касается так называемых «реликтовых островов», то речь может идти лишь об одном из них – восточной оконечности Темрюкско-Курчанской гряды, ибо только это третичное поднятие выражено в рельефе дневной поверхности (абсолютная высота 6-8 метров). На нём расположены всего два хутора – Коржевский и Ханьков (обе его части). Правда, в научной литературе упоминается ещё один остров – Петровский. Но если в этом месте Кубано-Протоцкого междуречья и есть какая-то тектоническая структура (брахиантиклиналь), то в рельефе она никак не выражается.

О том, что никакого Петровского острова в природе не существует, убедительно свидетельствует и гидрография данного места. Здесь сливаются ерики, берущие начало из Протоки, – Глубокий Перевал, Сухобрусов, Плавневый (Общественный), а вода, как известно, в гору не течёт. Незначительное (1 – 1,5 м) превышение рельефа станции Петровской над окружающей поверхностью объясняется тем, что сросшиеся между собой прирусловые валы ериков сформировали аккумулятивное «плато», морфология которого предопределила и конфигурацию населённого пункта: станция буквально «расползлась» вдоль водотоков.

В 1976 году по инициативе заслуженного работника культуры РСФСР Е.И. Бахтиной в Славянске-на-Кубани был открыт историко-краеведческий музей, который сразу же привлёк внимание горожан и селян. Спустя почти два десятилетия при нём, в отдельном здании, развернулась экспозиция, посвящённая природе Славянского района. Но филиалу очага культуры почему-то дали громкое название «Музей природы Восточного Приазовья».

Из школьного учебника географии известно, что Восточное Приазовье – это полоса шириной 60-80 километров, простирающаяся от Дона до Кубани и включающая в себя левобережную часть донской дельты, Ейский полуостров, междуречья низовий рек Кагальника, Еи, Челбаса, Бейсуга, Кирпили, акватории Ейского и Бейсугского лиманов, а также правобережную часть кубанской дельты. При этом на долю Славянского района, который полностью располагается в пределах Кубано-Протоцкого

междуречья, приходится 10-15 процентов всей площади полосы.

Но дело не только в площади. В Славянском районе нет того набора природных данностей, который мог бы в полной мере представлять всё Восточное Приазовье. Донское займище не похоже на кубанские плавни. Акватории Ейского и Бейсугского лиманов отличаются от заросших камышом лиманов Кубано-Протоцкого междуречья. Заиленные степные реки имеют мало общего с дельтовыми рукавами Кубани. А степи Ейского полуострова и пойменный Красный Лес просто не с чем сравнивать. Отсюда вывод: работники музея выдают желаемое за действительное.

В мае 1989 года в Славянском районе был обнаружен клад древних золотых монет. Место находки описали так: «рисовые чеки 4-го отделения колхоза «Путь к коммунизму». По времени чеканки монет археологи без труда установили возраст клада – VIII-IX века нашей эры, то есть период пребывания в Восточном Приазовье поздних болгар, отказавшихся переселиться на Дунай.

Естественно, потомки хана Батбая рисоводством не занимались. Тогда почему же клад оказался в этом месте? Ответ прост: здесь до конца XVIII века протекал ерик, бравший начало из Кубани на территории нынешнего города Славянска-на-Кубани и опять соединившийся с рекой юго-западнее станции Анастасиевской. Дорусское название ерика не сохранилось, а когда Восточное Приазовье вошло в состав России, ему дали имя Давидовка (Давыдовка).

Давидовский клад пополнил счёт аналогичных находок, обнаруженных ранее на юго-западной окраине города Славянска-на-Кубани, у хутора Беликова и в других местах на территории района. Причём, все без исключения клады находились на грядах бывших водотоков. И тут возникает вопрос: почему эти аккумулятивные образования не обследовали до того, как в них вонзились ножи бульдозеров и скреперов? Ответа нет.

Если давидовский клад, – обнаруженный не при строительстве, а уже во время реконструкции рисового участка, – оказался самым крупным в Советском Союзе, то нетрудно представить, сколько монет осталось под валами магистральных и карттовых каналов, под дорогами и чеками рисовых систем. Осталось лишь потому, что у археологов не было карт нужного масштаба, и они не знали, где могут быть спрятаны древние сокровища.

В 1998 году в научном издательстве «Большая Российская энциклопедия» вышла энциклопедия

«Города России». Источником информации для статьи о Славянске-на-Кубани послужил очерк, опубликованный в альманахе «Кубань» в далёком 1961 году. Безусловно, за прошедшие почти 40 лет материал сильно устарел, но его не догадались обновить, а там, где попытались это сделать, не обошлось без дилетантской путаницы и неуклюжего плагиата.

Так, географическое положение Славянска-на-Кубани определяется его местонахождением на Кубано-Приазовской низменности, расстояние от краевого центра (130 километров) даётся по реке, а роль города как автотранспортного узла подтверждается единственной проходящей через него дорогой. Из статьи в энциклопедии славянцы узнают, что первыми жителями населённого пункта являлись черкесы (украинцы), что до конца минувшего века в городе существовал аэропорт, что чуть ли не в пригороде размещается йодный завод, добываются нефть и газ.

В нулевые годы дважды издавался путеводитель «Славянск-на-Кубани» и «Славянский район», ориентированный преимущественно на любителей охоты и рыбной ловли. Контингент потребителей определяет и лицо печатного продукта. На картах, вместо названий оросительных систем, дающих

каждую четвертую тонну российского риса, фигурируют аббревиатуры охотхозяйств. Канал, подающий кубанскую воду на ПАОС, именуется Магистральным сбросным. ЧОРС, по мнению авторов карт, вообще не поливается. Положение и направление аккумулятивных гряд угадывается лишь по их подписям.

Под стать картам и текстовое содержание путеводителей. Обратимся к последнему из них, изданному в 2006 году: «Во время русско-турецкой войны 1735-1739 годов форт (Ачу – Б.Р.) успешно выдержал 20-ти дневную осаду русских войск». – «В 1782-1786 годах главная ставка будущего генералиссимуса (Суворова – Б.Р.) находилась в Копыле». – «... то, что в крепости (Копыл – Б.Р.) останавливался А.С. Пушкин, – известно достоверно». – «Улица Кубанская прошла по бывшему руслу речки Кубанки». – «Улица Маламинская – не переименована»...

Любознательному читателю достаточно пройти по названным улицам, чтобы убедиться: неологизм «краеведение» имеет право на жизнь.

Б.Т. Решитько,
действительный член Русского географического общества, руководитель комиссии по топонимике Краснодарского регионального отделения РГО

К 70-летию освобождения Славянского района от немецко-фашистских захватчиков

27 октября 2012 г. в 10 часов утра, на пересечении улиц Ленина и Набережная г. Славянска-на-Кубани был торжественно открыт памятник русскому полководцу Александру Васильевичу Суворову. Автор проекта памятника, Славянский архитектор Федор Мирошников, скульптор – Владимир Жданов. На открытии памятника присутствовали представители общественных организаций, ветераны войны и труда, учащиеся школ города, а также гости из разных уголков Кубани.

В Славянском районе это третий памятник, посвященный великому генералиссимусу, чья деятельность неразрывно связана с Кубанью и нашей малой Родиной. В 1777 году, для защиты рубежей Российской Империи от набегов кочевников на Кубани началось строительство кордонной линии от Ставрополя до Азовского моря. Руководил возведе-

нием крепостей и фельдшанцев А.В. Суворов. Ставка Суворова находилась в турецкой крепости Ени-Копыл, расположенной на территории нынешнего г. Славянска-на-Кубани. Одно из полевых укреплений полководец назвал Славянским — в честь гусарского полка, входившего в состав его корпуса. В 1865 году рядом с Ени-Копылом водворилась одна из пяти новых станиц Кубанского казачьего войска. Имя станице дали по ближайшему русскому сторожевому посту — Славянская.

В историю первых революционных лет станция Славянская вошла не только в качестве административного центра Таманского отдела Кубано-Черноморской области, но и как центр общественно-политической жизни западной части Кубани. В январе 1918 года в станице проходит первый Таманский революционный съезд, который законо-

Открытие памятника Таманской Красной Армии 23 декабря 1923 года

дательно провозглашает Советскую власть на всей территории отдела.

В начале Гражданской войны станица Славянская становится местом формирования частей Таманской Красной армии. В 1918 году, отрезанная Добровольческой армией Деникина от главных сил Красной Армии, она прошла с тяжелыми боями от Геленджика через Туапсе и перевалы на отрогах Главного Кавказского хребта до станицы Дондуковской. Поход, которым руководили И.И.Матвеев и Е.И.Ковтюх, продолжался с 27 августа по 17 сентября 1918 года и описан А.С.Серафимовичем в романе «Железный поток».

23 декабря 1923 года в станице Славянской, в присутствии двух тысяч участников Таманского похода, был торжественно открыт памятник бойцам Таманской Красной Армии, отдавшим свою жизнь за власть Советов в 1918-1920 гг.

После окончательного установления советской власти, станица переживает период бурного развития: создаются артели, появляется телефонная связь, радио, открывается первая на Северном Кавказе трудовая школа крестьянской молодежи для детей сирот им. III Интернационала, тракторно-механическая школа и сельскохозяйственный техникум. Налаживается жизнь, но мирный и созидательный труд нарушила война.

22 июня 1941 года вошло черной датой в историю нашей Родины: фашистская Германия без объявления войны напала на Союз Советских Социалистических Республик. В первый месяц войны в военкоматы Краснодарского края поступило 17 тысяч заявлений с просьбой об отправке на фронт. За четыре года в ряды Советской армии на защиту От-

чества ушло более 700 тысяч кубанцев, 500 тысяч не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны.

Впервые во время войны угроза оккупации Краснодарского края возникла осенью 1941 г. Уже тогда краевое руководство приступило к подготовке эвакуации имущества и населения, формированию партизанских отрядов, строительству оборонительных сооружений. Весной 1942 г. часть построенных оборонительных сооружений оказалась затоплена водой из-за раннего паводка и пришла в негодность, лишь в июле 1942 г. оборонные работы были продолжены, но завершить их уже не успели. Летом 1942 г., потерпев тяжелые поражения под Харьковом и в Крыму, советские войска утратили стратегическую инициативу и были вынуждены перейти к обороне. 23 июля Гитлер издал директиву 45, в которой содержался подробный план захвата Кавказа, получивший кодовое наименование «Эдельвейс». Он заключался в том, чтобы окружить и уничтожить советские войска южнее и юго-восточнее Ростова-на-Дону, овладеть Северным Кавказом, затем обойти Кавказский хребет с запада и востока, одновременно преодолев его с севера через перевалы. 28 июля, нанося мощные бомбовые удары по советским позициям, части вермахта переправились через реку Дон и перешли в наступление, прорвав оборону войск Южного фронта. Стремясь прорваться к Майкопскому нефтяному району и Черноморскому побережью, части вермахта 7 августа захватили Армавир, 9 августа – Майкоп. Захватив Краснодар, фашисты с ходу попытались форсировать реку Кубань, но смогли это сделать лишь 14 августа. Не удалось им прорваться

Весна 1943 года

и через Горячий Ключ на Туапсе.

Славянский район и станицу Славянскую немцы начали бомбить 8 августа 1942 года. Они пикировали на центр станицы, сбрасывая смертоносный груз. Советские части отходили через железнодорожную станцию. При отступлении были взорваны жизненно важные объекты. Фашисты, занимавшие станицу за станицей вели себя нагло и бесцеремонно – расстреливали мирных жителей, грабили и насиловали, угоняли мирное население в Германию, убивали ради забавы детей. Труд женщин и подростков использовали для расчистки и ремонта дорог. Особенно тяжелым был труд в ту морозную зиму 1942-1943 года. Изможденные, голодные люди кирками сбивали ледяные глыбы дорожной грязи, на руках переносили их и скидывали в колеи и выбоины. Так вручную разравнивали многие километры разбитых военной техникой дорог. Но машины всё равно застревают, и их приходилось толкать. Под вооруженной охраной станичники носили бревна для строительства блиндажей, разбирали кирпичные здания и укладывали кирпич на дорогу.

21 февраля 1943 года части 58 армии перешли к освобождению оккупированной территории Кубани. 21-го февраля 9 армия подошла к реке Протока и начала готовиться к её форсированию; именно этой армии предстояло освобождение станицы Славянской и всего района. В ночь на 22 февраля бойцы 317-ой, 351-ой, 417-ой стрелковых дивизий переправились через р. Протоку в районе х. Деревяноквка и освободили х. Солодки, х. Галицын, х. За-бойский и х. Белики, двигаясь по направлению к х. Свистельники. 18 марта части 58-ой и 9-ой армии переправившись в районе х. Нещадимовского и х. Бараниковского, освободили ст. Петровскую, хутора Губернаторский, Бараниковский, Нещадимовский, и Семисводный. 22-го марта был освобожден поселок Совхозный. В ночь на 23 марта бойцы 395-ой, 295-ой, 389-ой стрелковых дивизий начали переправу у станицы Славянской, и утром того же дня Славянская была освобождена. Тяже-

лейшие бои завязались на направлении ст. Анастасиевская – г. Темрюк. Советская армия пыталась прорвать укрепленную линию обороны фашистов у х. Свистельников. Хутор Свистельников фашисты укрепили несколькими линиями обороны, каждую из которых нафаршировали пулеметами, минометами, противотанковыми пушками. Многие танки гитлеровцы зарыли в землю, превратив их в огневую точку. В ночь с 30 на 31 марта 1943 года полки 41-ой Сухумской дивизии вступили в бой с противником. В ожесточеннейших схватках, под постоянным огнем противника и бомбежкой вражеской авиации, потеряв до 80% личного состава, 4-го апреля 1943 года в 5.30 утра бойцы 41-ой Сухумской дивизии вошли в х. Свистельников. 8-го апреля были освобождены хутора Ханьков, Соболевский и Прикубанский, 30-го апреля Славянский район был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Огромную роль в освобождении Славянского района сыграла советская авиация. Воздушные бои в небе Кубани стали переломным моментом в ходе борьбы за господство в воздушном пространстве, именно здесь советские летчики-асы подорвали боевой дух противника. За воздушные бои над Кубанью свою первую звезду Героя Советского Союза получает командир эскадрильи 16-го гвардейского истребительного авиационного полка гвардии капитан А.И. Покрышкин. 12 апреля между станицами Крымской и Славянской Покрышкин сбивает 4 самолета противника, позднее в этот же день он сбил еще 3 самолета, доведя число сбитых машин за день до 7, в истории советской авиации был лишь один подобный случай. Первый трижды Герой Советского Союза, выдающийся летчик-ас, маршал авиации Александр Иванович Покрышкин навсегда останется в памяти благодарных станичников.

За годы Великой Отечественной войны из Славянского района было призвано 23,5 тысячи человек, с войны не вернулись 11 тысяч наших земляков. Семнадцать наших земляков были удостоены звания Героя Советского Союза, восемь человек стали полными кавалерами ордена Славы, тысячи были награждены орденами и медалями.

Со дня освобождения Кубани и Славянского района прошло 70 лет. Память о тех 9-ти месяцах тяжелых испытаний, выпавших на долю наших земляков, передается из поколения в поколение, оставаясь жить в наших сердцах траурным набатом по не вернувшимся с войны солдатам, болью и гордостью за свою Родину. Память о Великой Отечественной войне – народная память. И пока мы будем помнить, будет жить наш народ.

подготовлено по материалам печати
и свободных источников
И.Ф.Матвеев

Черепица французских производителей на Кубани 1890 – 1917 гг.

Высокие темпы индивидуального жилищного строительства последнего десятилетия в большинстве случаев негативно отразились на сохранении старой традиционной архитектуры, еще 50 лет назад богато представленной в хуторах и станицах Кубани. В силу естественного старения или в результате целенаправленного сноса, со станичных улиц уходят саманные и турлучные хаты, перекрываются оцинкованные и черепичные крыши, меняются кованые надкрылочные зонтики и резные наличники. Важная материальная часть кубанского быта конца XIX-го - начала XX-го века уничтожается, разрывая естественную культурную и историческую связь поколений. Чаще всего остатки снесенных строений утилизируются, но иногда рачительные хозяева используют старый строительный материал в подсобном хозяйстве, накрывая снятой с хат оцинковкой сараи и погреба, и, ограждая черепицей клумбы и палисадники. Именно в таких местах пытливому исследователю могут попасться предметы, помогающие не только восстановить картину станичной жизни начала прошлого века, но и выстроить логическую цепочку торговых и культурных связей региона. С этой точки зрения еще до конца не оцененным подспорьем для краеведов и историков является черепичная плитка, сохранившая названия производителей и мест производства. Но если восстановить картину производства черепицы местными заводами пока еще не составляет особого труда, то с образцами зарубежных производителей дела обстоят намного сложнее. Наряду с черепицей братьев Петрохалко, завода барона Л.В.Штейнгеля или А.Ворожбий на крышах кубанских хат в большом количестве встречается черепица с надписями: PIERRE SACOMAN, St. Henri, Marseille, ARNAUD ETIENNE ET CIE, St. Henri, Marseille, LES FILS DE JULES BONNET, La Viste, Marseille или TUILERIES ROMAIN BOYER. В том, каким образом в строительные технологии конца XIX-го - начала XX-го века вошла черепичная плитка французских производителей мы и попробуем разобраться. Большому разнообразию черепицы французских производителей, объединенной общим конструк-

тивным решением и надписью на внутренней поверхности плитки – ST.HENRI MARSEILLE (г. Санкт-Анри, Марсель), встречающейся, наверное, не на много реже черепицы местных производителей, мы обязаны компании братьев Жозе-Тибо и Франсуа-Ксавье Жилардони. Компания братьев Жилардони была основана в городе Altkirch (Верхний Рейн) в 1834 году, а первый завод по производству черепичной плитки был построен уже в 1835 году. Братьям удалось создать новый, поистине революционный, вариант черепичной плитки, который произвел переворот не только в самом производственном процессе, но и в технологии кровельных работ. Дело в том, что ранее использовавшаяся черепица представляла собой плоскую плитку с «крюком» для зацепа за рейку обрешетки, для предотвращения скольжения, и накладывалась внахлест только с одного края. Таким образом, чтобы добиться водонепроницаемости крыши, черепицу приходилось укладывать на раствор в два – три слоя. Новый вариант, разработанный братьями Жилардони, был снабжен блокировочными пазами, что позволяло укладывать плитку в один слой, плотно скрепляя между собой, и желобовидным продольным углублением по середине, обеспечивавшим отсутствие деформации плитки во время сушки и добавлявшим прочности.

Первая, опытная, партия новой черепицы была произведена в 1840 году, а 25 марта 1841 года компанией был получен патент на оригинальное изобретение. В 1850 году компания разрабатывает второй вариант черепицы с двойной блокировкой, которая в последствие получит высшие награды Парижских выставок 1855 и 1867 гг. и выставок в Лондоне в 1889, 1900 и 1908 гг.

После десяти лет действия патента изобретение перешло в общенациональное достояние и более мелкие производители получили возможность приобрести лицензию на производство черепицы по технологии братьев Жилардони. Таким образом, свое дальнейшее развитие производство получает и в различных городах Франции, таких как Иври, Эпиналь, Моншанен и Марсель.

Центром производства новой черепичной плитки в

Марселе стал район Санкт-Анри, расположенный к северу от города. В 1842 году в нем уже действовали 60 заводов по производству кирпича и черепицы, на которых работали 700 работников [1]. Из двух типов черепичной плитки, разработанных братьями Жилардони, размерами 390 x 230 мм и 420 x 250 мм местные производители выбрали второй вариант большего размера и на его основе разработали канонический образец, позже ставший известным во всем мире под названием «Марсельская черепица» [2].

В 1851 году группа Марсельских производителей приняла решение об объединении в Société Générale des Tuileries, которое, ориентировочно, после 1900 года было преобразовано в Société Générale des Tuileries de Marseille [3]. Вполне возможно, что в это объединение вошли уже знакомые нам производители черепицы SAUMATI FRERES (Братья Сомати), LES FILS DE JULES BONNET (Сын Жюль Боне), GUICHARD FRERES (Братья Гишар), PIERRE SACOMAN (Пьер Сакоман), PIERRE AMEDEE (Пьер Амеди), ANTOINE SACOMAN (Антуан Са-

коман). Использование единого (канонического) образца для изготовления «Марсельской черепицы» делало безликим саму плитку, и тогда некоторые производители стали вносить коррективы во внешний облик своей продукции, используя наравне с указанием наименования завода декоративный орнамент или отличительный знак в виде фигурки животного или насекомого.

Австралийские исследователи Барри Грум (Barry Groom) и Сюзан Бур (Susan Bures) в своем докладе «Wunderlich Project Report» [4] (Вундерлих. Отчет по проекту), посвященном деятельности австралийской компании Wunderlich – производителя и импортера кровельных материалов, привезшей в Австралию, в том числе, и Марсельскую черепицу, выделяют 9 различных клейм, встречавшихся на Марсельской черепице в период с 1892 по 1914 гг. (см. табл.). К их классификации мы добавим клеймо еще одного производителя - REY FRERES, чья черепица с изображением жезла Меркурия встречается на крышах домов западной части Кубани [5].

Клейма на черепице марсельских производителей

№ п/п	Клеймо (торговая марка)	Наименование производителя	Место производства
1	петух	SAUMATI FRERES	St. Henry, Marseilles
2	лошадь	LES FILS DE JULES BONNET	La Viste, Marseille
3	пчела	GUICHARD CARVIN ET CIE	St. Andre, Marseille
4	лев	GUICHARD FRERES	Seon, St. Henry, Marseille
5	звезда	PIERRE SACOMAN	St. Henry, Marseille
6	лопата	PIERRE AMEDEE	St. Henry, Marseille
7	якорь	ANTOINE SACOMAN	Usine la Plata, St. Henry, Marseille
8	мальтийский крест	ARNAUD ETIENNE ET CIE	St. Henry, Marseille
9	черепаха	TUILERIES DE LA MEDITERRANNEE	Siege Social, Marseille
10	жезл Меркурия	REY FRERES	St. Henry, Marseille

Производство черепицы, известной нам по надписи TUILERIES ROMAIN BOYER (Итальянская черепица Бойера) на внутренней стороне плитки, было основано Марсельским промышленником Этьеном Бойером в Прованском городке Сис-Фур на берегу Средиземного моря. В 1898 году исследования привели его именно в эту область Франции, земли которой были богаты месторождением глин, толщиной более 10 метров. Для строительства завода был выбран участок площадью около 40 га, который в перспективе должен был дать около 4 млн. м3 глины. Кроме того, будущее место черепичного

и кирпичного производства находилось в бухте Coudoulière, идеально подходившей для обустройства вспомогательного порта.

Для финансирования этого амбициозного проекта 28 мая 1900 года Этьеном Бойером основывается Общество TUILERIES ROMAIN BOYER с капиталом в 3 миллиона франков, которое для строительства завода выкупает земельный участок площадью 45 га с расположенными на нем зданиями и сооружениями. Предприятие было построено уже в 1901 году, его площадь составила 4000 кв. м., включая полный цикл производства керамической чере-

пицы и кирпича, и два жилых дома на 80 квартир, предназначенных для наемных рабочих, в основном итальянских иммигрантов. В 1903 году было завершено строительство гавани, для чего в бухте был отсыпан причал для судов средней тоннажности шириной 40 метров.

К 1920 году изготовление черепицы и кирпича Обществом TUILERIES ROMAIN BOYER достигает максимального уровня, на предприятии Этьена Бойера работает уже более 250 человек, рынок сбыта включает в себя не только государства западной Европы, но и некоторые восточные страны, в том числе и Россию. К 1967 году месторождение глины

Завод общества TUILERIES ROMAIN BOYER в г. Сис-Фур. Фото начала XX-го века

истощилось, и производство было закрыто [6]. Теперь попробуем проследить каким путем черепица Марсельского объединения Société Générale des Tuileries и завода Этьена Бойера в г. Сис Фур могла попасть в маленькие казачьи станицы западной части Кубанской области.

В период активного развития черепичного производства во Франции внутренние и внешние торговые и промышленные отношения в Черноморской губернии и соседней Кубанской области испытывали бурный подъем. В 1888 году вводится в эксплуатацию железнодорожная линия Тихорецкая-Новороссийская, в г. Новороссийске открываются иностранные консульства Италии, Бельгии, Франции и еще ряда европейских стран, ставших основными импортерами кубанского хлеба, нефти, цемента и множества других промышленных и сельскохозяйственных товаров. Большое количество грузов из Европы поступает в Новороссий-

ский порт через морские порты Феодосии, Одессы и Керчи. Если потребности населения северо-восточной части Кубанской области в строительных материалах во многом удовлетворяла Владикавказская железная дорога, то для населения низовий р. Кубань основным поставщиком необходимой в хозяйстве продукции становится речное судоходство. В 90-е годы XIX века в станицах Славянской, Петровской, на Урме купцами Вафиади и Грамматикопуло строятся хлебные ссыпки. Принятое зерно купцы собственными силами транспортировали вниз по р. Протоке и р. Кубани в море, а обратно завозили, пользовавшиеся большим спросом, соль и

строительные материалы. После того как «Товарищество Дицман» связало Кубань со всеми портами Азовского и Чёрного морей, установив правильные срочные рейсы морского парохода между Керчью и Темрюком, на Кубань в большом количестве двинулись грузы из Ростова, Таганрога, Одессы, Херсона и других портов [7].

Учитывая, что безлесная местность левобережья р. Кубани в достаточной мере не обеспечивала потребности местного населения в кровельных материалах, логично предположить, что купцами завозилась и черепичная плитка, приходившая морскими судами из Марселя в порты Одессы и Феодосии, а оттуда, через Керчь, в Темрюк и Новороссийск. Это предположение косвенно подтверждается и присутствием на крышах кубанских хат черепицы «марсельского типа» с изображением фигурки лежащего льва и надписью TUILERIE DE SAINTE ANNE THEODOSIE – CRIMEE (Черепица

Виды черепицы французских производителей

черепица завода Общества TUILERIES ROMAIN BOYER г. Сис Фур, Франция

черепица завода REY FRERES г. Санкт-Анри, Франция

черепица завода LES FILS DE JULES BONNET г. Марсель, Франция

черепица завода PIERRE SACOMAN г. Санкт-Анри, Франция

черепица завода ARNAUD ETIENNE ET CIE г. Санкт-Анри, Франция

Святой Анны, Феодосия – Крым)[8].

Список используемой литературы

1. Ratier, Yves. Histoire Du Commerce et De L'industrie De Marseille XIXe - XXe Siècles - Tome IV : La Terre De Marseille, Tuiles, Briques et Carreaux (ISBN: 2900732034 / 2-900732-03-4) Marseille, 1989. - 270 p.;
2. LEWIS, M B. The Marseilles Tile in Australia. Australian Institute of Building Papers, 1 (1986): стр. 67 – 89;
3. там же
4. Report, Susan Bures and Barry Groom, «Wunderlich Project Report», Museum of Applied Arts and Sciences, Ultimo, New South Wales, Australia, May 1981;
5. Полевые материалы автора – 2012 г. Краснодарский край, Крымский район, х. Западный - 2;

6. По материалам журнала Six-Fours Magazine (№ 69) Франция, г. Сис-Фур-Ле-Пляж; интернет ресурсов: www.domainedelacoudouliere.com, coudouliere.blogspot.com, Франция;
7. Труханович, А.П. Развитие речного судоходства на Кубани в дореволюционный период. Кубанский сборник: сб. научных статей и материалов по истории края: т.3 (24) / под ред. А.М. Авраменко; Г. В. Кокунько. - Краснодар: Книга, 2008. - 496 с.: ил.;
8. Полевые материалы автора – 2012 г. Краснодарский край, Славянский район, ст. Анастасиевская.

Д.А Решмет

Памятник А.В. Суворову

27 октября 2012 г. в 10 часов утра, на пересечении улиц Ленина и Набережная г. Славянска-на-Кубани был торжественно открыт памятник великому русскому полководцу Александру Васильевичу Суворову. Автор проекта памятника, Славянский архитектор Ф.И.Мирошников, скульптор – В.А.Жданов. Фигура полководца выполнена в бронзе и отлита на Московском предприятии по заказу администрации Славянского городского поселения. Высота фигуры составила 2 м 70 см. постамент выполнен из гранита.

На открытии памятника присутствовали представители общественных организаций, ветераны войны и труда, учащиеся школ города, а также гости из разных уголков Кубани.

Из г.Краснодара прибыла большая делегация членов Кубанского Кадетского Братства, кадеты Краснодарского Президентского Кадетского Училища, директора и педагоги школ имени А.В. Суворова и Г.К. Жукова. На празднике также присутствовали гости из городов Геленджика, Анапы и Новороссийска.

Почетное право открыть памятник было предоставлено исполняющему обязанности главы г. Славянска-на-Кубани А.В. Коновалову и адмиралу, командующему Тихоокеанским Флотом ВМФ России 2001 – 2007 гг. В.Д. Федорову

А.В. Копылов

Альманах подготовлен Обществом любителей истории и краеведения Славянского района

Наши друзья и партнеры:

Общество любителей истории и краеведения Славянского района;

Художественно-исторический Совет при главе муниципального образования Славянский район;

Славянское горрайотделение ВООПИК;

Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани;

Краснодарское региональное отделение Русского географического общества;

Архивный отдел администрации муниципального образования Славянский район

При информационной поддержке [www. SLAVHistory.ru](http://www.SLAVHistory.ru)

Мнение редакции журнала может не совпадать с мнением авторов. Перепечатка материалов, опубликованных в историко-краеведческом альманахе «Копыл», допускается только с письменного согласия редакции.

Редакция приглашает к сотрудничеству авторов исторических и краеведческих работ, исследователей фольклора, этнографии и традиций Славянского района.

Материалы просьба направлять на электронный адрес редакции. Формат текста Word 97 – 2003, иллюстрации в формате jpeg с разрешением не менее 300 dpi.

Рукописи не рецензируются и обратно не возвращаются.

Распространяется в библиотеки и клубные учреждения г. Славянска-на-Кубани и Славянского района.

Адрес редакции: 353560 Краснодарский край, г. Славянск-на-Кубани, ул. Красная, 34, каб. 12,
тел./факс: 8 (86146) 4-37-24
e-mail: slavhistory@gmail.com
сайт: www.slavhistory.ru

Отпечатанно с готового электронного макета ГУКК «Центр технического и хозяйственного обслуживания учреждений культуры, искусства и кинематографии»

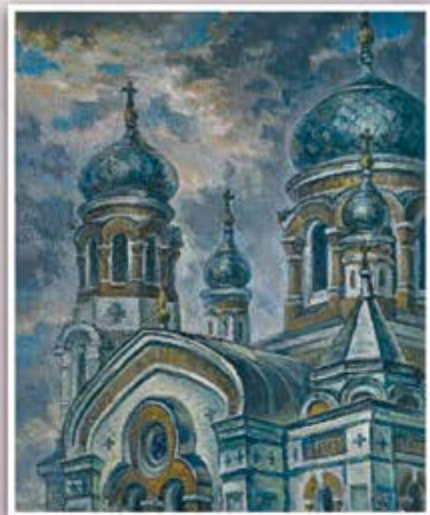
350000, г. Краснодар, ул. Ленина, 89. Тираж 150 экз.

НАШИ ЮБИЛЕИ 2012 год:

- **315 лет** со дня основания села Ачуево;
- **195 лет** со дня основания станицы Петровской;
- **110 лет** первому кинотеатру станицы Славянской;
- **100 лет** со дня открытия трехклассного городского училища, ныне - лицей №1;
- **90 лет** со дня образования первой футбольной команды станицы Славянской «Юпитер»;
- **60 лет** Славянской Детской школе искусств имени Г.Ф. Пономаренко.

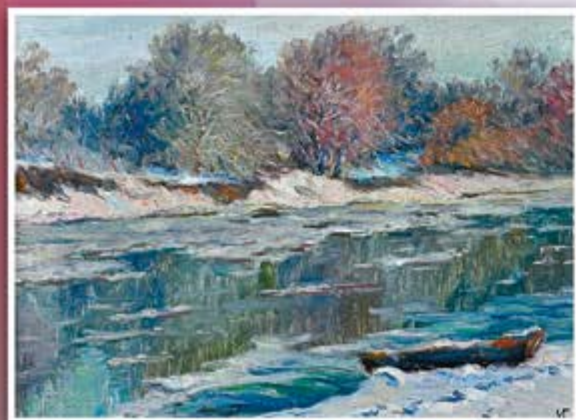

НАША ГАЛЕРЕЯ.

Иван Емельянович Гончаров

Замечательный кубанский художник Иван Емельянович Гончаров родился в станице Славянской Краснодарского края в 1943 году. Уже в юном возрасте Иван увлекается рисованием. В 1960-ом году, после окончания школы, успешно поступает в Краснодарское художественное училище. В училище ему удается проучиться только один год и, после первого курса, Ивана Гончарова призывают в ряды Советской Армии. После возвращения из армии молодой художник работает оформителем в различных учреждениях города Славянска-на-Кубани и продолжает поиск своего стиля в изобразительном искусстве. В конце 70-х годов Иван Гончаров становится известен среди местных художников как подающий надежды художник-график, и его берет под свое крыло заслуженный мастер, художник-график и линогравюрист, член союза художников СССР – Александр Романович Мазин. Несомненно, творчество А.Р. Мазина, признанного не только в СССР мастера гравюры, учившегося ремеслу в г. Ленинграде, в студии профессора А.П. Эйслера, оказало большое влияние на молодого художника. Иван Гончаров начинает принимать участие в городских, краевых и зональных выставках молодых кубанских художников, где его работы неизменно находят положительные отклики у маститых товарищей и ценителей искусства.

В 1970 году, в творческом поиске Иван Гончаров уезжает в Молдавию, где работает художником оформителем, переезжая из района в район, из поселка в поселок в поисках работы и вдохновения. Вот как пишет сам художник в своем путевом дневнике: «27 февраля 1970 года, г. Теленешты, Молдавия. Условия работы ужасные: из ста процентов заказа мне 35, из 35% я должен платить столяру, вычесть стоимость материала, с этих же процентов подоходные... Что за глупость, получать 20% от сделанной работы... Устроился по совместительству почти во всех предприятиях района, оформляю стенды, эскизы арки для колхозов-совхозов, фасады контор, декора-

ции красных уголков, эскизы витрин, агитационные плакаты. 28 февраля, последний день месяца, обстановка такая – в кармане рубль. Всего!» Но что может быть важнее для художника, чем свобода? Свобода творчества, свобода выбора своего пути, своей индивидуальности. Иван Гончаров начинает писать маслом. Объехав всю Молдавию, он, с молодой женой, возвращается в родной Славянск-на-Кубани, где продолжает работать художником-оформителем. Все больше времени художник посвящает собственному творчеству. Ранней весной он уходит из дома с этюдником на плече и пачкой листов картона для эскизов и возвращается в мастерскую поздней осенью. Начинают определяться и любимые темы в творчестве, это изображения рыбы и подсолнухов. Иван Гончаров начинает выделяться среди местных художников, его работы, полные воздуха и света, необыкновенным образом притягивают к себе. Иван Гончаров мастерски передает настроение, у него получается не просто запечатлеть момент бытия, он заставляет зрителя сопереживать вместе с собой увядающему подсолнуху или радоваться первому весеннему теплу. Не случайно работы Ивана Гончарова были очень высоко оценены народным художником РФ Николаем Павловичем Лоем, который часто прислушивался к мнению художника. Иван Гончаров стал мастером не только работ, выполненных маслом, но и акварельных и графических работ. Картины художника украсили частные собрания ценителей живописи в Австрии, Чехии, Югославии, Германии и России. В конце 90-х годов художник переезжает из города в х. Бараниковский, где устраивает мастерскую и все свое время посвящает пейзажной живописи. В 2005 году Иван Емельянович Гончаров умирает в своей мастерской, в возрасте 62-х лет, так и не получив официального признания. В декабре 2010 года в картинной галерее Славянского историко-краеведческого музея проходит выставка, посвященная светлой памяти замечательного художника, русского Ван Гога, – Ивана Гончарова.

ISSN 2306-1383

9 772306 138237 >